

Юлия Сергачева
Кровь драконов

2006

Сергачева Ю.

Кровь драконов / Ю. Сергачева — 2006

События в Городе творятся странные: говорят о наступлении смутных времен, о появлении таинственного темного дракона; находят убитых людей... Юный музыкант, сам того не ведая, разыскивает нечто способное изменить реальность навсегда. Столичный следователь, прозванный Охотником за драконами, расследует очередное убийство и знать ничего не хочет о драконах. Зловещий монстр алчет настигнуть новую жертву в темноте городских улиц. В подземельях под Городом ждут своего часа те, кто надеется изменить мир поворотом Ключа. А горожане, как всегда, ищут виновных в своих бедах... Чего желают драконы, не знает никто, но многие догадываются... Только времени строить догадки осталось совсем мало.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	5
Сказка про дракона.	7
Первый день Листохода.	9
Хроники охотника за драконами. Сейчас.	20
Второй день Листохода.	22
Монстр. Где-то в Городе...	29
Другие дороги, другие дни.	30
Другая сказка про дракона.	35
Третий день Листохода.	37
Люди и нелюди под сводом камней. Где-то в Городе...	41
Хроники охотника за драконом. Сейчас.	43
Монстр. Где-то в Городе...	61
Четвертый день Листохода.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Сергачева

Кровь драконов

Гений человека всегда одновременно и его рок.

С. Цвейг

– Говори, что хочешь, – злобно сказал дракон. – Сотрясай воздух несвежими, вялыми словами, словами, словами. Но мы с тобой жили друг в друге, мы ощущали и думали вместе, и ни один из нас не освободится от другого до конца этой жизни.

М. Суэввик. «Дочь железного дракона»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Другие дороги, другие дни...

Поднимался ветер. Злой, сырой, пронизывающий насквозь...

Ветер беспощадно разогнал по небу клочья облаков, наотмашь сек стонущие деревья, баламутил речную воду. Он сдул пыль с созвездий, и они сияли холодно, чисто и отрешенно в невообразимой дали. Им не было дела до двух человеческих фигурок, скорчившихся на придорожном валуне.

– Ничего, – деланно бодрым, юношеским голосом молвила одна из фигур, та, что повыше и покрепче. – Скоро будем дома. Там тепло и сухо. Потерпи немного...

– Ты думаешь, они примут нас? – устало отозвалась другая фигурка девичьим голоском.

– Конечно, примут! – немедленно ответил юноша, но даже доверчивая слушательница, склонившаяся к его плечу, услышала плохо скрытое сомнение в тоне прозвучавшего заверения. Юноша понял это и торопливо добавил: – Отец, конечно, придет в бешенство, но и он не посмеет выгнать нас, пока ты... Теперь уже все равно ничего нельзя поделать, – закончил юноша безнадежно.

– Да, – эхом отозвалась девушка. – Нельзя... Хотя я пробовала, честное слово, пробовала!

– Тихо, тихо... – зашептал юноша, баюкая встревоженную спутницу в объятиях. – Я знаю, глупая... Все будет хорошо отныне.

– Чего ж хорошего, – рассудительно отозвалась девушка. – Если твоя семья не простит тебя и не примет нас, что мы станем делать?

– Что я – калека? – искренне возмутился юноша. – Найду работу, я многое умею. И плотник я хороший, и столяр, и краснодеревщик сносный... А нет, так наймусь к кому-нибудь в работники, как раньше. Нам до тепла продержаться, а там... – Юноша закинул лицо к небесам, разглядывая равнодушные звезды, и радуясь тому, что девушка не видит его выражения. Лицо всегда было его бедой, ибо слишком откровенно прорисовывало хозяйские думы.

– Замерзла? – наконец участливо спросил он, почувствовав, как дрожит его подруга. – Давай-ка, я за хворостом схожу, костер разведем...

– Что ты! – испугалась девушка. – Здесь нельзя... Да и не замерзла я вовсе, – поспешно запротестовала она, заметив, как нахмурился юноша. – Просто страшно мне.

– Чего ты боишься? Я ли тебе не защита и опора, раз дал клятву? До самой смерти... Я зубами перегрызу горло любому, кто посмеет недобро посмотреть на тебя...

– Даже собственному отцу?

Юноша умолк, тяжело вздохнул, словно силясь потягаться с ветром, а потом сердито добавил:

– Если они не примут тебя, то знать я их больше не хочу! Ты моя законная жена, мы венчаны, мы честны перед Хранящим, всем миром и светом, я твой супруг, и никто нам больше не нужен... Если кому-то это не по душе, что ж, так посеми и быть...

Он не видел, как облегченная и одновременно недоверчивая улыбка тронула губы девушки, но заметил, как ладони ее легли на округлившийся живот, упрятанный под слои одежды.

– Отец давно хотел внука, – сказал юноша. – Он не посмеет выгнать тебя, пока ты носишь ребенка... А потом привыкнет, Да и матери ты понравишься...

Ветер разодрал последние облака в прозрачный пух и заметался по небу в растерянности. Черное ночное покрывало небес, приколоченное к своду гвоздями со сверкающими шляпками, у восточного горизонта спускалось вниз глухими, темными, складками, поглощавшими свет. Там осмеливалось сиять лишь тревожное Око Дракона.

– Плохое мы выбрали время, – прошептала девушка, всматриваясь в созвездие. – Надо было подождать.

– Око Дракона не сходит с небосклона, – пожал плечами юноша, моментально догадываясь, что она имеет в виду. – Мы не можем ждать вечность...

– Наверное, следовало подождать хотя бы до конца сезона.

– А его ты тоже хочешь попросить подождать? – полюбопытствовал юноша, положив и свою ладонь на живот супруги. – Он рвется на волю. Скучно ему там.

– Зато безопасно. Если бы я могла, я бы умолила его не спешить. Я не хочу, чтобы он родился под этим проклятым знаком! – девушка недобро сощурила глаза, рассматривая звезды. – Мы с тобой встретились под ним, и видишь, что из этого вышло?..

– Разве ты жалеешь?

– Нет, но... – Она не успела договорить. Муж замкнул ее губы поцелуем. И на длинное мгновение в новоиспеченной семье воцарились согласие, мир и покой. Потом девушка встрепенулась, вывернувшись из объятий юноши и воскликнула, восторженно, указывая на небо:

– Смотри! Смотри! Звезда падает!.. Это добрый знак!

– Загадаем, чтобы все завершилось благополучно? – предложил юноша, и девушка лишь счастливо кивнула, протискивая свои пальцы в его кулак.

Ослепительно яркая точка прочертила небосвод пылающей соринкой.

– Как же там?.. – пробормотал смутно юноша. – А! Звезда падучая, прими...

– Стойте! – обрушился на влюбленную парочку чужой, рокошущий голос и сомкнутые руки с силой разорвали, заставив девушку болезненно вскрикнуть, а юношу яростно взметнуться.

За их спинами, подобравшись неведомо как, стоял высокий, широкоплечий, заросший бородой человек, нависавший над юными супругами, как мшистая скала. Человек непринужденно держал обоих за руки, словно не замечая ножа, появившегося в свободной руке юноши, и отпустил их лишь тогда, когда золотой огонек угас за горизонтом.

– Вы что, спятили?! – свирепо осведомился юноша. Бородач рассеянно посмотрел на него, но обратился к девушке:

– Простите сударыня, я причинил вам боль. Мне очень жаль.

– Зачем вы это сделали? – уже без явного испуга, скорее растерянно спросила девушка.

– Чтобы вы не совершили непоправимого поступка... Это не звезда падала, а умирал дракон. Гибель дракона предвещает несчастья. Это недобрый знак.

Человек круто развернулся и зашагал к реке, сминая кустарник, как летний травостой. Озадаченные супруги несколько мгновений смотрели ему вслед, потом переглянулись и, не сговариваясь, наскоро собрав свои пожитки, поспешили в противоположную сторону.

Сказка про дракона.

На краю старого леса в одном небольшом городе поселился человек по имени Асгар. Среди соседей слыл он смирным, спокойным, незлобивым. В давние времена Асгар был храбрым воином, но по всеобщему мнению военное искусство не полюбилось ему, а потому однажды он прибыл в город, купил дом на окраине и занялся тихим ремеслом механика. Днями и вечерами просиживал он в своей крохотной мастерской, починяя принесенные соседями часы, музыкальные шкатулки или иные хитроумные механизмы. Не могли нарадоваться горожане на умельца, ибо привыкли они к мирной и покойной жизни и опасались зловредных чужаков.

Дни шли за днями. Притерлись люди к Асгару, перестали считать чужим, поверили ему. А он смотрел вокруг и удивлялся, отчего жизнь в этом маленьком городе так безмятежна и счастлива? Отчего люди так добры и щедры? Отчего они никогда не плачут? И стал спрашивать он горожан об этом. И горожане искренне поведали ему, что в старом лесу, под мшистой горой издавна живет мудрый дракон, который помогает людям и советом, и делом, сберегая покой горожан от темной нечисти.

Возрадовался тогда Асгар. Наконец он нашел то, что искал долгие годы.

Не знали честные горожане, что Асгар в прежние времена нанялся на воинскую службу вовсе не для того, чтобы защищать границы родины, а чтобы побыстрее разбогатеть на войне, обирая и своих, и чужих. Но воинское ремесло не оправдало его надежд, ибо прибыли приносило мало, а рисковать приходилось ежедневно. И тогда прослышал он, что есть на земле город, возле которого в лесу живет дракон. А там, где дракон, там и несметные богатства. Задумал он тогда найти этот город, убить дракона и забрать сокровища, ибо по его разумению лучше рискнуть один раз, но и награду получить соответствующую. Асгар был негодяем, но не трусом.

Однажды утром, пока весь город мирно спал, Асгар запер свою скромную мастерскую и направился в старый лес по тропинке, указанной добросердечными горожанами. И вскоре вышел к мшистой горе, нашел заветную пещеру и храбро вошел внутрь. Но, увидев, как велик и грозен дракон Асгар попятился, дрожа, и понял, что одолеть великана можно только хитростью. Нашел Асгар сон-гриб, развел перед входом в пещеру костер и сжег гриб, заставив дракона надыхаться ядовитыми парами и уснуть крепче обычного. А потом снова вошел внутрь и отпилил спящему голову.

Когда дракон умер, Асгар принялся искать сокровище и вскоре действительно нашел его – огромный, сверкающий солнцем, искрящийся шар, показавшийся Асгару золотым. От шара исходило тепло. Но едва убийца протянул к нему руки, как шар померк и рассыпался в прах, ибо не был он золотым и материальным. Мудрый дракон не собирал золота. Единственное сокровище, которым он владел, была благодарность и признательность горожан.

Разочарованный Асгар понял, что промахнулся. И денег не добыл, да и горожане, если узнают, кто убил их защитника, наверняка, не помилуют. И тогда он задумал недоброе. Замуровав вход в пещеру, он оставил только щель, через которую можно было пускать дым. Он решил выдать себя за дракона. И первый пришедший поутру за советом горожанин получил наказ, что отныне за советы дракона полагается платить, да не жадничая. К пещере полагалось приносить еду, хорошее питье, ценности.

И доверчивые горожане послушно понесли все, что имели, удивляясь, но не ропща. Вот только советы, которые давал им убийца Асгар не могли сравниться с рекомендациями мудрого дракона. И вскоре безмятежная жизнь города разладилась. Люди стали ссориться и ругаться. Торговля и ремесла пришли в запустение, поскольку занятые драками горожане забывали о своих делах. Плакали брошенные дети. Рушились дома...

Однажды Асгар, удивленный долгим отсутствием посетителей, решил выбраться из своего убежища и спустился в город, И нашел его опустошенным и брошенным.

Первый день Листохода.

Лететь...

Вперед...

В никуда...

Дыхание перехватывает от восторга и невероятной фантастической жути свободного полета, когда воздух вскипает вокруг, а пространство превращается в искрящуюся льдом и пламенем карусель...

Все, что вовне – растеклось и смазалось. Все, что здесь – дышит яростью, скоростью, неистовством. Обыденность, повседневность, скука остались позади, далеко внизу, там, где незримая земля. А рядом только высота, полет, стихия, волшебство... Целая вселенная. Только свобода и всемогущество...

...Золотая нить Рубежа ослепительным, сочащимся неистовым светом, кинжальным разрезом рассекла угольную мантию пространства на две части. Даже через защитное стекло шлема сверкание нити было нестерпимым. Хотелось зажмуриться, но я не мог себе этого позволить, ибо теперь вел я, и дракон смотрел на мир моими глазами.

– Кир, слышишь меня? – трепыхнулся в сознании голос Джеанны. – Где вы?

– Рядом, – отозвался я, угадывая в чернильном мраке черный четкий абрис чужого дракона. – Видим вас... Что случилось?

– Оглянись...

Голос Джеанны звучал странно, и я поспешно обернулся, проигнорировав недовольство дракона. И в первый момент ничего необычного не обнаружил. Как всегда за нашими спинами остался мягкий, темный занавес, прозванный людьми Стеной Мрака, вероятно просто потому, что им не доводилось видеть его своими глазами. Стеной это колышущееся, подвижное, текучее пространство живой мглы, прочерченное быстрыми, короткими вспышками, назвать было нельзя. Иногда оно походило на водопад бегучей смолы, а иногда – на клубок черных червей, непрерывно кишачих вдалеке. Все зависело от настроения. Наставник по полетам именовал это образование – субстанцией, но это слово просто сотрясало воздух, как и все остальные.

– Что? – непонимающе переспросил я, убедившись, что черный занавес колыхается по-прежнему безразлично и величественно.

– По-моему, он стал больше... – без особой уверенности пояснила Джеанна.

Я намеревался, было пожать плечами, зная, что Джеанна все равно меня не увидит, но остановился, приглядываясь. Нет, похоже, она права – цепочка огоньков-сигналов, сотворенная последними пограничниками, отчетливо сократилась, Странно, что никто не заметил этого раньше... Да и черное полотнище Тьмы слегка вспухло и расплзлось, как грозное облако, тая ощутимую угрозу.

– Надо будет сообщить об этом... – донесся исчезающий голос Джеанны, уносящейся к Рубежу.

– Надо, – согласился я, не спуская глаз с неприятно подвижного клубка Тьмы, – если этого уже не сделали до нас. Не может быть, чтобы подобное ускользнуло от внимания других.

Дракон нетерпеливо шевельнулся, и я позволил ему вернуться на прежний маршрут.

Порубежье захлестнуло переливчатой волной и схлынуло, вернув всадника и дракона в обычное пространство, где пахло осенней печальной свежестью, горьковатым дымом и сырой листвой, где над головой сияли вымытые, ясные звезды, почти растаявшие в наступающем утре, где прозрачный воздух пронзали невесомые серебристые нити летящих паутинок, а черного занавеса над горизонтом не было и в помине...

Я сбросил шлем, потер виски и потрянул головой, избавляясь, во-первых, от странного звона в ушах, возникшего при переходе, а во-вторых, от ощущения присутствия дракона.

– Слыхали новость? – послышался голос из ниши слева, и оттуда, опасливо косясь по сторонам, появилась – голова за головой – неразлучная троица: Шаур, Асантино, по прозвищу Каляка и Мелемина. Как обычно за всех троих говорил Шаур.

– Мы только что с дежурства, – безразлично отозвалась Джеанна, прибывшая на пару минут раньше меня, но задержавшаяся на площадке. – Разве не очевидно?

– То-то, что с дежурства, – подхватил довольно Шаур, распираемый вестью, как объевшийся грызун орехами. – А ночью-то Джанир погиб!

Оживленная физиономия Шаур а и его товарищей сбила меня с толку, и я не сразу понял, что именно только что было произнесено. Джеанна круто обернулась, уставившись на вестника прищуренными глазами:

– Не врешь?

– Да клянусь хвостом своей прабабки! – истово воскликнул Шаур, а Каляка с Мелеминой одновременно закивали, надо полагать, тоже клянясь какими-нибудь конечностями своих предков, поскольку их прародители вряд ли могли похвастаться наличием хвостов. Но выглядело все равно убедительно.

– Что произошло? – спросил я, сам поражаясь спокойствию своего голоса.

– Говорят, он покончил с собой! – зловещим шепотом сообщил Шаур, стреляя одновременно во все стороны блеклыми, скошенными к вискам глазами.

Мы с Джеанной переглянулись. В этот момент на посадочной площадке появилась компания мелких многоногих тварей, деловито тащивших на чешуйчатых спинах детали некой сложной металлической конструкции, и троица сплетников сгинула бесследно. Твари заполнили всю площадку, сопровождая суету грохотом и лязгом, и пришлось разойтись, не договорив. Джеанна исчезла, махнув на прощание рукой, а я свернул в привычный, знакомый до последней царапинки и трещины коридор.

Темные стены сомкнулись вокруг, отрезав остальной мир. Именно это чувство всегда возникало у меня, когда входная дверь с шуршанием замыкалась за спиной. Вязкая, стоячая тишина и прорезиненное покрытие пола скрадывали даже звуки шагов. А царящий здесь полумрак разбавляли лишь редкие пятна слитых со стеной светильников.

В своей комнате я машинально исполнил привычный ритуал – дал знать о своем возвращении, снял перчатки и куртку, заказал завтрак... Но, лениво поковырявшись в тарелке, я понял, что услышанная новость горечью приправила каждый кусок и разумнее будет прекратить давиться. Для начала следует переварить весть. Поэтому я стянул ботинки и вытянулся на кровати, прикрыв глаза.

«Ты слышал?»

Дракон отозвался после томительной паузы и с явной неохотой:

«Разумеется»

«Что думаешь?»

«Трус. Всегда был таким. Убил дракона», – донесся равнодушный ответ.

«Почему он это сделал?»

«Потому что трус», – тон дракона сочился презрением, и все дальнейшие вопросы он проигнорировал.

Ничего другого от дракона ожидать и не стоило. Людей они не любили и терпели только потому, что не могли существовать без них. Свободолюбивых тварей эта зависимость особенно бесила, и при любом удобном или неудобном случае они давали это понять.

Ночное дежурство выдалось тяжелым. Я не стал спорить с драконом, а просто повернулся на бок, отворачиваясь от окна. Пробудившееся солнце заглядывало в комнату, а сил, чтобы встать и задернуть штору не осталось...

Джанира я знал. Не слишком хорошо, но пару раз, еще до отъезда Джанира, нам доводилось дежурить вместе. И – редкий случай – мы не потеряли друг друга за Рубежом, как это

обычно происходило. За Рубежом каждый всадник остается наедине со своим драконом и лишь немногим удается нащупать контакт друг с другом и сплести общую Сеть-границу. Мне легче всего удалось сохранить связь с Джеанной. Нечто похожее я испытал, общаясь с Джаниром. Может быть потому, что Джанир писал очень мелодичные баллады. Еще Джанир умел делать занятных птиц из деревянных реек и бумаги, невесомых, но крепких и способных долететь, казалось, до самого солнца. Но характер у Джанира был неважный – мятушийся, порывистый, беспокойный. Он никогда не ладил со своим драконом. Я всегда считал, что Джанир слишком завышает свои требования и к себе и к нему, но при этом не решается отпустить поводья. Это должно было плохо кончиться...

Потом я заснул и снился мне дракон, несущийся к звездам, окруженным золотым кольцом Рубежа, Но почти достигнув звезд дракон с размаху налетает на прозрачную преграду и, нелепо кувыркаясь, падает вниз, подрагивая исковерканными крыльями, как деревянная птица...

А после мне приснилась музыка.

Тлевшая где-то в подсознании боль от осознания чужой, но такой близкой смерти постепенно переродилась в медленную, печальную, при этом пронизанную яркими искорками мелодию, отражавшую умершего Джанира, как отражает бегущая вода зыбкий силуэт заглянувшего в нее.

Слитком переполненный новорожденным сочинением, чтобы спать безмятежно, я вскочил и потянулся к притихшему под кроватью сенсорину, коснулся пальцами струн, прислушиваясь. Разбуженный дракон нетерпеливо ждал. Я ощущал его молчаливое, но беспокойное присутствие. И вспышка драконьего раздражения слилась с моей собственной, когда в окошко легко постучали снаружи. Не выношу, когда отрывают от работы... Впрочем, в отличии от дракона, я моментально перестал сердиться, когда увидел, кто меня потревожил и распахнул окно, впуская крохотную птичку в комнату. Птичка позволила себя поймать и снять с лапки привязанную золотистой ниточкой записку: «Я жду тебя в „Мышеловке“. Отпущенная птичка упорхнула.

Несколько мгновений я смотрел на инструмент в своих руках, потом бросил его на кровать, проигнорировав неудовольствие дракона, и выскочил за дверь, едва не сбив с ног флегматичного служника, подметавшего щеточкой плафоны в коридоре.

Дракон угрюмо безмолвствовал.

В городе царило оживление по случаю выходного и, наконец-то, солнечного дня.

Казалось все до единого горожане высыпали на улицы, позабыв повседневные дела, только ради удовольствия бесцельно слоняться по мостовым, с наслаждением болтать и не зло переругиваться с соседями, Мелкие твари, обнаглевшие от редкого благодушия людей, безбоязненно шныряли под ногами, таскали оставленные без присмотра кошельки, носовые платки, сладости и овощи с лотков, дразнили детей и гонялись за кошками. Выловив очередного хвостатика или полосатика в своем кармане горожане, вопреки традиции, не топили его в ближайшей металлической посудине с заговоренной водой, а рассеянно выбрасывали, даже не прервав беседы со спутниками.

– Эй, молодой-красивый-сероглазый, – одним духом выпалила сидящая у моста женщина в полосатой шали, ухватив меня за край куртки. – Купи девушке букетик... – Она протянула маленький букет светлых пушистых колокольчиков, последних в этом сезоне и выжидательно уставилась на меня снизу вверх красноватыми зрачками.

– А почему вы решили, что мне есть кому их подарить? – хмыкнул я.

– У такого красивого-сероглазого-молодого обязательно... – взгляд торговки зацепил серебристого дракона, вьющегося на рукаве моей куртки и она осеклась.

Я еще раз хмыкнул и протянул торговке монету, получив взамен хрупкий букет. Пушистые стебли щекотали ладонь, и с цветами в руках я чувствовал себя глупо, однако спрятать их в карман не решился – нежные колокольчики помнутся и быстро погибнут. Впрочем, люди вокруг не особенно обращали внимание на букетик, а если и обращали, то благожелательно улыбаясь.

«Мышеловка» размещалась почти в самом центре города, и пробираться через захлестывающие людские волны было делом долгим, муторным, если не безнадежным. Поэтому я решил двинуться в обход, по набережной, и подойти к «Мышеловке» через подворотни. Проталкиваясь, наступая кому-то на ноги и машинально извиняясь, я выбрался из толпы и спустился по лестнице к реке. Какой-то мелкий клыкастый тип позарился на букетик в моей руке, и пришлось сбить его наземь прицельным щелчком. Клыкастый долго ругался вслед, и бродившие по набережной люди с любопытством оглядывались. Но вскоре все они остались позади. Купальный сезон уже прошел и к холодной воде спускались лишь редкие парочки, искавшие уединения. На меня они обращали столько же внимания, сколько я на них.

Правый высокий берег Реки укрепили каменными плитами в давние времена, поэтому ходить здесь было удобно, хотя и небезопасно. Трудно отыскать в Городе более глухое место. Зато отсюда открывался восхитительный вид на другой берег, где главной достопримечательностью и украшением (а также раздражающим фактором для некоторых) являлась серебристая игла, бескомпромиссно вонзившаяся в небо. Игла именовалась Гнездом Драконов исключительно согласно традиции. Человек, обозвавший это остроконечное сооружение Гнездом обладал, надо полагать, изощренной фантазией. Однако название прижилось. Да и как иначе обозвать место обитания такого количества драконов и их владельцев? С этого берега здание казалось целиком отлитым из светлого серебра, но на самом деле вблизи было заметно, что постройка очень древняя, покрыта патиной и наслоениями, прорезана трещинами и выбоинами, сохранившимися с тех дней, когда ее атаковали день за днем войска Гарима Мертвоголового.

Взглянув на знакомую серебристую иглу, я вновь остро ощутил недовольство дракона, оставленного без внимания, занозой засевшее в душе. Она все время напоминала о себе смутным беспокойством, и существовал только один способ выдернуть ее – завершить начатое, в данном случае закончить мелодию, пришедшую во сне. Я пообещал себе сделать это, как только вернусь домой. Не помогло...

Деревья, окружавшие город зелено-золотым осенним ожерельем и местами вскрывшие даже каменные плиты на набережной, расступились, огибая лодочный причал, пустующий только зимой, от которого вверх, к жилым кварталам, взбегала широкая лестница. Поднявшись по ней, можно было добраться до внутренних переулков, лабиринт которых выводил терпеливого и знающего путника к сердцу Города. Я поначалу не удивился, обнаружив на причале множество людей (даже осенью все любят лодочные прогулки), но невольно замедлил шаги, пораженный всеобщим напряженным молчанием. Люди сгрудились полукругом у каменной кромки набережной и рассматривали нечто лежащее на плитах. Потом кто-то шумно вздохнул, зашевелился, выламываясь из толпы, и отбежал к ближайшим кустам, публично избавляясь от завтрака. Это послужило сигналом для остальных. Люди загомонили, переглядываясь и размахивая руками. Двое или трое побежали за городскими стражами.

Я приблизился, уже зная, что увижу, просто влекомый свойственным всему человеческому роду неумным любопытством. Люди расступались неохотно, но все же позволили подойти достаточно близко, чтобы узреть окровавленное, перепачканное грязью и рыбой чешуей, обезображенное до неузнаваемости тело. Его, похоже, отыскивали под старой, валявшейся здесь дырявой лодкой, выброшенной на берег вчерашней непогодой. Судя по удрученному виду рассевшихся поблизости водяников, обнаружили труп именно они. Видно, копаясь, как обычно в мусоре нанесенном за ночь, твари случайно опрокинули лодку. И теперь не

смели сбежать, хотя знали, что рытье в мусоре на причале строжайше запрещено городскими властями.

– А человек ли это? – послышался чей-то особенно громкий голос, заставивший всех обернуться.

Худощавый человек, смущенный всеобщим вниманием, смещался и потише добавил:

– Я просто хочу сказать, что теперь трудно определить, был ли несчастный человеком...

– Но уж во всяком случае, это точно не лесовик, – авторитетно проворчал его сосед, крепкий дебелий мужчина, по-хозяйски прижимающий к себе бледную, тоненькую девушку-цветок.

– От бедолаги почти ничего не осталось, – вступило в беседу бесполое существо в темной хламиде. – Что за сила могла сотворить с ним такое?..

Проблема живо заинтересовала присутствующих, и посыпались предположения, одно другого чудовищней. Воображения горожанам всегда хватало... Стоявший рядом со мной троллин инстинктивно облизнулся, алчно ловя каждое слово. Забытый труп, окруженный грустными водяниками и обласканный солнцем, начал благоухать.

– Все ваши версии безусловно достойны внимания и очень любопытны, – негромко, но внятно, обращаясь одновременно ко всем, вдруг заговорил невысокий старичок в добротном пальто, в шляпе и с тростью, – Однако если бы вы соизволили приглядеться внимательнее, то обнаружили бы недвусмысленные следы на теле усопшего здесь, здесь и здесь... – изящная тросточка потыкала труп в указанных местах, сгоняя мух и распугивая водяников. – Вот посмотрите... – Старичок повел кончиком трости вдоль изломанной грудины тела. – Такие раны были обнаружены и на пяти предыдущих жертвах...

– Что вы хотите сказать? – натужно морща лоб, осведомился один из слушателей.

– Я хочу сказать, что это шестой труп со дня Равновесия, а у нашей доблестной стражи ни одного предположения о том, кто бы это мог сотворить... – сердито заявил старичок.

Напряженно внимавшие его словам люди взбудоражено загалдели.

– А ведь верно! – вскрикнул кто-то. — Да что же это происходит в этом добром городе! По улицам безнаказанно рыскает убийца, а стража даже не спешит забирать трупы!..

– Да ладно вам, – отмахнулся безнадежно другой. – Стража у нас известно какая, а вот почему помалкивают эти умники из Гнезда? Где их хваленая защита?

– Ну что вы, право! При чем здесь Гнездо?

– А пусть вышлют своих крылатых! У них нюх, говорят, хороший! – ярился хриплый мужской баритон.

– Не кричите, накличете еще! У них, вроде у самих неприятности. Болтают, что появился какой-то зловещий дракон, пожирающий остальных! – нервно взвился женский голос.

– Что вы несете?! Вы послушайте, что вы несете? Повторяете досужие сплетни, байки, которыми пугают ребятню. По-вашему и этого несчастного загрыз дракон? – иронически усмехнулся рассудительный, все же теряя свое хладнокровие.

– А что вы-то о них знаете? Вся смута оттуда. Может им теперь человечья кровь по вкусу... – зачинщик перепалки угас, понимая, что зарвался.

Гам стих также внезапно, как и разросся, когда кто-то различил значок на моей куртке и предупреждающе толкнул в бок соседа. Волна шелеста и вздохов прокатилась по присутствующим и десятки глаз уставились на меня изучающе. Троллин, стоявший рядом, мгновение поколебался, а затем попятился, растворившись в задних рядах. Мне тоже захотелось так сделать, но чужие взгляды держали крепко.

– Вы уж простите, молодой человек, невежд, – не столько боязливо, сколько предельно осторожно заговорил невысокий человек в костюме настройщика, прижимающий к груди большую сумку с инструментами. – Но, возможно, вас не затруднит рассеять наши сомнения? Быть может, и в самом деле в Гнезде знают больше, чем известно нам, простым обывателям?

- Почему вы так решили? – осведомился я хмуро. Общее внимание тяготило.
- Вам сверху виднее... – прошелестел почтительный ответ из-за спины.

От необходимости отвечать меня избавило появление раздраженных, с удовольствием раздающих пинки зазевавшимся, стражников.

- А ну, разойдись! – рявкнули луженые глотки. – Нечего тут глазеть и мух глотать!

И минуты не прошло, как они разогнали возмущенно ропшущих зрителей, оцепили причал, сунули в мешки покорных водяников-свидетелей, ухватили под руки пару не успевших увернуться свидетелей-людей, закатали труп в простыню и исчезли, грохоча сапогами, лязгая челюстями и изредка гневно взрывая.

– Видал? – внезапно осведомились над моим ухом. Я дернулся и с неудовольствием повернулся, обнаружив возбужденно подсигивающего Тучакку. Широкие ноздри его нервно трепетали, с наслаждением втягивая насыщенный вонью разложения воздух, а встопорщенный ежик пегих волос на голове непрерывно шевелился.

- Что «видал»? – переспросил я, высвобождая свой локоть из потных пальцев Тучакки.

– Как его, а? – Тучакка оторвал, наконец, жадный взор от влажного пятна на каменных плитах и уставился на меня мутноватыми, сизыми глазами без белка. – Кто, думаешь, это сотворил?

- Еще один, – вздохнул я. – Откуда мне-то знать?

– Да-да, – Тучакка рассеянно покивал. – Верно, верно, откуда вам знать. Ничего вы там у себя не ведаете. А хотя бы то, что труп не шестой, а девятый, знаешь?

- Почему девятый?

– Потому что было еще три в прошлом году, да их списали на одного психа. Ему, дураку, все равно смертный приговор подписан. Да вот незадача – психа прикончили, а трупы появляются... – Тучакка булькнул жизнерадостно, оросив мою куртку слюной.

- Ты-то откуда знаешь?

– Ха! Так я тебе и сказал, Птенец... – Тучакка хихикнул, выставив когтистый палец к моему носу, но прежде, чем я успел разозлиться, сменил тон и почти просительно предложил: – Однако, могу поменяться, информацию за информацию. Договоримся?

- Чего тебе?

– Верно твердят, что у вас там завелся чудо-зверь, жрущий драконов? Вроде, двоих уже не досчитались? Одного прикончили прямо сегодня ночью?

- С собой он покончил. Сам. – Угрюмо ответил я. – Как и Аямилла.

Тучакка принюхался, вздернул почти невидимые брови, удивился:

– А ведь не врешь. Надо же. Двое?.. Гм, гм, любопытно... С чего бы это? Эпидемия? Ты как себя чувствуешь?

- Пошел ты... – вяло огрызнулся я.

Тучакка снова весело булькнул, наклонился к букетику в моей руке, вдохнул шумно, едва не вытянув цветы из ладони, и проговорил довольным:

– Вижу, вижу, ты в порядке. Значит, говоришь, с собой покончили... Занятно. Тогда еще вопросец: в народе болтают, де добровольных самоубийств среди Птенцов быть не может, а толкают бедолаг на крайний шаг их же собственные драконы.

- Зачем? – искренне поразился я.

– Кое-кто уверен, что за вас давно мыслят и действуют ваши твари, а вы при них вроде как придатков, рабов, и если раб оказывается недостойн чести... Ладно, ладно! Чего уставился! Просто передаю городские сплетни! Не нервничай! Экий ты впечатлительный... Ну, не буду больше тебя задерживать...

– Постой-ка, – теперь я ухватил верткого собеседника за рукав. – А где обещанная информация?

И без того напоминающее формой сосульку лицо скорбно вытянулось еще больше.

– Ну? – Из его тощей груди вырвался вздох. – А ты как думаешь, кто это мог сделать? – спросил я, кивнув на спешно высыхающее под жаркими лучами пятно на набережной. – Что ты чувствуешь? Только не говори, что у тебя внезапный приступ аллергии!

Поскольку намерение сказать именно это было подавлено в зародыше, Тучакка еще раз вздохнул и ответил:

– Знаю, что тебя беспокоит – с чего вдруг люди стали поминать все драконов? Отвечаю: с того, Птенец, что вчера, и позавчера, и позапозавчера над Городом видели смутную тень чудовищных размеров...

– Ну и что? Мало ли теней над Городом...

– А ничего... Вот только сегодняшнего бедолагу убили человечесьи руки, накинувшие жертве на шею вполне натуральную удавку, и потом вполне настоящим ножом искромсали тело. Так же поступили и с остальными... – не совсем понятно ответил Тучакка, крутанулся на пятке и сгинул в зарослях прежде, чем я успел снова открыть рот.

Час был полуденный, но по случаю выходного все заведения в центре уже открыли. Людей здесь скопилось видимо-невидимо и пришлось проявить изрядную настойчивость, чтобы подобраться к заветной «Мышеловке». Центральную дверь плотно оккупировали страждущие, но я воспользовался особым входом. Прежде чем войти, задержался на пороге, под завистливыми взглядами оставшихся снаружи, и прикрыв глаза от солнца, попытался рассмотреть, чей же это дракон завис в небе. Однако дракон находился слишком далеко, так что узнать его не удалось.

«Мышеловка» теоретически считалась заведением для избранных, и пускали сюда далеко не всех, но значок на рукаве давал мне (и не только мне), право беспрепятственного прохода. Однако практически всем было известно, что обладателей значков здесь толчется значительно больше, чем обладателей драконов. Это принималось, как данность и возмущения ни у кого не вызывало. Настоящие Птенцы сюда заглядывали не слишком часто, и если бы хозяин рассчитывал только на них, он бы давно прогорел. С другой стороны репутация сыграла свою роль, и если где Птенцы и появлялись чаще всего, то именно здесь.

Я остановился, вдыхая пряный и тяжелый воздух и пытаясь в колыхающейся под музыку смеси человеческих тел, дыма и неровного света рассмотреть хоть что-нибудь. Людей собралось пока не особенно много, но они двигались непрерывно, создавая иллюзию монолитной непроницаемой массы. Разноцветная дымка нежно обвивала тела, прятала лица и фигуры, рвалась кисеей, стелилась под ногами.

У дальней стены, раскрашенной светящимися красками, приподнялась тоненькая фигурка, призывно махнувшая мне рукой, и я, как ледокол, врезался в океан танцующих, стремясь добраться до противоположного берега по максимально короткой траектории. Плечом пробивая себе путь, я старался прикрыть защищающей ладонью букетик. И мне это удалось.

Темноволосая девушка взглянула на мерцающие в полутьме цветы как-то странно.

– О... Спасибо, – она погладила пальцами пушистые колокольчики, коснулась губами. – Спасибо...

Звали девушку Янна.

Чужое веселье, резкие голоса, танец теней оплывали где-то за гранью восприятия, как оплывает и беззвучно стекает воск вокруг огонька свечи. А огонек трепещет, беспокойно дрожит, слепит и обжигает, если прикоснуться; рождает зыбкие обманные тени, тревожит, напоминая... Как угнездившаяся в сознании боль. Как отравы, проникшая в кровь. И так и не законченная мелодия незримо подхватывает и невесомо кружит исковерканные крылья деревянной птицы, обращая в живого, сильного, вновь стремящегося вверх дракона...

– Ты слышишь? – голос Янны заставил меня встрепенуться. – Ты меня хотя бы слушаешь?

– Что? Конечно...

– О чем ты думаешь? – устало спросила девушка, заглядывая в глаза. – Впрочем, что это я... И так, ясно... Ты и твой дракон... Всегда дракон!

– Янна...

– Не могу больше, – едва слышно отозвалась она, опуская взгляд к нервно подрагивающим, переплетенным пальцам. – Вы – нелюди. Вы помешаны на своих драконах. Вы обвенчаны с ними. Вы спите с ними, и даже во сне видите только их. Они владеют вами, и только сумасшедшая осмелится встать между всадником и его крылатым чудищем...

Янна умолкла, покусывая губы. Рваный свет бросал на ее бледное напряженное лицо резкие тени, делавшие ее старше и прекраснее. Такой она будет лет через пять, когда хрупкость восемнадцатилетней осыплется первоцветом, сменившись зрелостью восхитительной женщины...

– Ну, что ты молчишь? – спросила она, не поднимая глаз. – Ждешь разрешения своего страшилища?..

Я неопределенно повел плечами. Спорить мне не хотелось, оправдываться тем более. Я понимал, чего ожидает от меня Янна, но упорно молчал, рассматривая столешницу, покрытую радужными узорами.

– Ты не можешь изменить дракону даже со мной?.. – голос ее звучал едва слышно, но шквалу музыки не удалось заглушить недоумевающей горечи вопроса.

Она ждала ответа, но так и не дождавшись резко встала, развернулась и ушла. Я, не оглядываясь, ощущал, что Янна до самого последнего момента надеялась, что я окликну ее, позову, верну. И знала, что этого не произойдет.

«Я не в силах изменить дракону, даже ради тебя, потому что в таком случае, я изменю себе...» – жгли несказанные и ненужные слова. Я, не отрываясь, глядел на букетик забытых на столе колокольчиков. Светящиеся цветы меркли, гасли, ссыхались, пока не рассыпались горсткой серого праха. Сердце ныло томительно и зло.

Дракон молчал с презрительным самодовольным сочувствием. Он снова победил.

Музыка нахлынула, обняла, поволокла живой, теплой волной. Не хотелось рассуждать, беспокоиться или злиться. Только слушать, прикрыв глаза.

Напиться, что ли?

– Привет! – на плечи опустились легкие руки. – Как я рада тебя видеть!..

– Мы расстались только утром, – отозвался я, снизу вверх глянув в сияющее лицо взбодоренной Джеанны. – Неужели соскучилась?

– Ты почему один, а где... – Взгляд зеленых глаз упал на почерневшие цветы. – А... Ясно... Тогда пойдем, – требовательно позвала она, хватая меня за руку. – Нечего тебе здесь киснуть...

– Джеанна, я не...

Но она уже вытащила меня из-за стола и поволокла куда-то, напористо, как муравей и столь же бесцеремонно. Люди послушно расступались перед ней, глядя вслед, кто с восхищением, а кто и с завистью. Джеанна, безусловно, стояла того, чтобы любоваться ею: стремительная, грациозная, опасная, как змея, она обладала змеиным же чарующим взглядом пронзительно-зеленых глаз. Злые языки утверждали, что сердце у нее тоже змеиное, или в лучшем случае стальное, о чем говорила серебристая пластинка, нашитая слева на груди каждого костюма девушки. Но кто станет слушать досужую болтовню?

Меня тоже рассматривали с любопытством. Гостем в «Мышеловке» я был несчастным, но меня узнавали. Птенцы все до единого привлекали внимание, что уж говорить о длинном парне со слишком смуглой для северян кожей и слишком светлыми для южан глазами, тем более, что имя этого парня стоит вторым в списке Гнезда...

В углу, куда приволокла меня Джеанна, собралась большая компания. Наше появление приветствовали буйным и искренним весельем. Пока я, заметивший несколько знакомых лиц, здоровался, доброхоты с непрошеным энтузиазмом организовали импровизированное действо. Джеанна и я обернуться не успели, как уже вся «Мышеловка» требовала представления. Местные, заметно уставшие музыканты, активно присоединились к остальным, радуясь передышке.

Джеанна, вопреки своей обычной манере, не стала отнекиваться и кокетничать, а просто вспрыгнула на сцену. Я замешкался, не слишком обрадованный поворотом событий, но потом, махнув безразлично рукой, двинулся вслед за девушкой. Выбрав один из протянутых музыкантами инструментов, я устроился на стуле за спиной Джеанны. Я не особенно любил подобные концерты, но сейчас привычное занятие несло облегчение и защищало от необходимости общаться с другими, натянуто улыбаться и отвечать на бестолковые вопросы.

Джеанна оглянулась на мгновение, обменявшись со мной взглядом. Зеленые глаза сняли. Пляшущие, живые огни рампы очертили ее изящную фигурку ослепительно пылающим контуром, украсили растрепанные светлые волосы золотыми искрами, поселили теплого светлячка в холодную серебряную пластинку на груди.

Я опустил взгляд. Мне не хотелось видеть, как легкий силуэт накрывает темная, зыбкая тень, излучающая мощь и власть. Драконы проснулись и прислушивались. Драконы ждали и предвкушали.

Пальцы тронули струны легко, уверенно...

...Темнота вспухала, заливала вселенную, но временами расползлась ключьями, растекалась, таяла, сменяясь кратковременными вспышками яркого света. Свет выхватывал то зал, полный бледных лиц, не спускающих глаз со сцены, то слегка озадаченный взгляд Джеанны, то плеск огня в чашах-рампах вокруг, то колыхание декоративных блестящих фонарей вверх... Потом все смазывалось, становилось радужной кляксой на поверхности жирной черноты... И снова лица, лица, лица, околдованные, замороженные звуком и ритмом, забывшие обо всем на свете...

Увлечь, увести за собой, покорить своим умением – вот чего требует драконья кровь. Она алчна. Она не способна насыщать саму себя. Ей жизненно необходимо признание, восхищение или даже ненависть, но только не безразличие. Дракон жаждет власти над самим собой, над своим владельцем, над всем миром, Дракон не белая мышка в клетке, не тайная страстишка, стыдливо укрытая от посторонних; его нельзя лелеять тайком, он хочет свободы и власти и, если его не погубят, он непременно добьется воплощения своего неотъемлемого права.

Чужие взгляды, как крюки зацепили и держат намертво.

«...давай еще! Веселее! Захватистее!.. Жги, музыкант!.. Еще, еще, еще!..»

И уже неясно, кто кого ведет. Я – их или они – меня. Волокут за собой, как на аркане, своей неумной и беспощадной жадой. Заставляя подыгрывать безумным пляскам. Рвать по живому мелодии, чтобы создать феерических и сиюминутных паяцев, для развлечения и увеселения потных, покрасневшихся, оскаленных... Которым бы попроще и повеселее.

Бьется протестующе разгневанный дракон...

Душная злая тьма растеклась боязливо, отступила под напором взгляда серьезных, задумчивых сине-сиреневых глаз незнакомки. Полуоглушенный усталостью и несколькими стаканами жгучей дряни, подсунутой кем-то невидимым, я с трудом встряхнулся, попытавшись сфокусировать внимание. Реальность плыла и ускользала. Призрачные люди, смутные тени, неверные огни... Незнакомка стояла совсем близко от сцены, словно не замечая толчеи. С небрежным рассеянным высокомерием стряхивала с плеча чужие потные руки. Одним холодным взглядом отпугивала слишком настойчивых. И снова смотрела на сцену. К этому моменту, она кажется была единственной, кто действительно слушал мою игру. И легкое презрение, сквозившее в ее странных глазах заставило меня наконец остановиться. Это следовало

сделать еще часа два назад, когда ушла Джеанна, озадаченно и обеспокоено заглянувшая мне в лицо. Но я был уже слишком пьян, чтобы замечать подобные мелочи и слушать голос разума. К тому же разгоряченная публика требовала еще и еще...

Я махнул рукой остальным музыкантам, поддержавшим меня после ухода Джеанны, и с трудом удерживая равновесие, спрыгнул со сцены. Слушатели протестующе взвыли, но я только машинально улыбался, выискивая среди них задумчивую незнакомку. Кажется, вон там мелькнул ее светлый плащ...

Холодный свежий воздух обжег глотку, хлынул в легкие, изгоняя дым, ароматы духов и потных тел. После резкой чересполосицы света-тени «Мышеловки» царящий на улицах города сумрак ласкал взгляд мягким бархатом. Даже многочисленные в центре фонари не царапали глаза, а дружелюбно подмигивали, полускрытые матовыми плафонами.

Наступившая ночь подстегнула горожан, и улицы оживленно кипели, несмотря на промозглость и вновь нахмурившееся небо, обещавшее очередной дождь. Я мгновенно потерял незнакомку и теперь растерянно озирался, пытаюсь угадать направление. В глазах у меня двоялось и количество возможных вариантов пугающе увеличилось.

Поток людей увлек за собой, закрутил в водоворотах, потащил куда-то. Со всех сторон доносилась музыка, пение, громкие голоса. Светились только верхние окна домов, а нижние были предусмотрительно прикрыты ставнями. Магазины и лавки уже закрылись, но зато гостеприимно распахнулись двери забегаловок и пивных. Городская стража извлекала из недр одного из таких заведений орущего и бьющегося аборигена. Абориген ловко сопротивлялся. Потребовалось совместное усилие стражников и вышибал бара, чтобы оторвать его от косяка. Зеваки наслаждались зрелищем и давали ценные советы потным и красным от трудов и раздражения главным участникам действия.

Что-то светлое мелькнуло справа, свернув под арку между домами, и я забарахтался, выбираясь из толпы и устремляясь следом. Арка вывела на соседнюю улицу, где было чуть темнее, но так же шумно и людно. Отыскать в море единственную серебристую рыбку было невысказано. Я разочарованно поплелся по тротуару, изредка налетая на добродушных и не очень горожан и стараясь не особенно петлять. Дома вокруг взметнулись на невысказанную высоту и сомкнулись над головой куполом. Огни факелов переливались и плыли. Люди и нелюди скалились улыбками и гримасами. Новые и новые арки, подворотни, проулки заглатывали меня жадными зевами, и вскоре я окончательно потерял и без того смутное представление о своем местонахождении. Я уже никого не искал, а просто брел, надеясь не упасть. Возбуждение схлынуло, оставив обнаженными острые осколки разочарования...

Десятка три призрачных зеленоватых огней закружили меня хороводом.

«Они несут смуту и беспокойство... Смерть им!» – пронзил ватную тишину зловецкий голос.

«Они злы, безжалостны и коварны... Смерть им!» – вторил ему другой.

«Они чужие и опасные. Им нет места среди нас... Смерть...» – вопил третий.

Круговерть странных, невероятных фигур со звериными и птичьими головами повела меня. Я никак не мог понять, не снятся ли мне эти недобрые существа с мрачно пылающими глазами в провалах глазниц. Все они что-то непрерывно твердили, шептали, напевали – немелодично и неритмично, зато с воодушевлением. Они все время двигались, и трепещущие огни факелов пятнали их угольными мазками теней. Они не причиняли вреда, наоборот спешно расступались передо мной, но немедленно смыкались за спиной и словно направляли, настойчиво подталкивая к центральному костру. И я, недоумевая, приблизился, рассматривая огонь, в котором горело что-то смутно знакомое, уже потерявшее четкие очертания, но все еще узнаваемое...

«Дракон!» – подсказал внутренний голос. – «Это горит дракон...»

Деревянная игрушка, какие продают в магазинах для детей. Стилизованное изображение легендарной твари, имеющее с настоящим драконом лишь условное сходство. Но игрушка была завернута в настоящую и оттого плохо сгорающую куртку всадника. Металлический значок на рукаве почернел от копоти.

Я в смятении обернулся, но ни одной звероголовой фигуры рядом уже не было. Я остался в одиночестве, в захламленном дворе какого-то старого дома, наедине с умирающим огнем...

Хроники охотника за драконами. Сейчас.

Издали город на фоне призрачно-серебристого неба казался изумительной сложности чеканкой на старой гравюре. Едва угадывались изящные абрисы башен и плавные закругления куполов, зубчатые линии крыш и росчерки высоких арок... Все словно бы только намечено легкими взмахами резца мастера, слегка вытравлено кислотой или почти стерто от времени. Медленный, редкий дождик размывал четкие грани, смешивал тени, растворял краски...

Только металлически отблескивающая игла Гнезда казалась яркой, отполированной, натертой до зеркального сияния, выпадающая из общей акварельной неопределенности деталь, а может, ось, некоторой все держится...

«И почему здесь всегда так сыро? – вяло размышлял Робьяр, пытаясь поудобнее устроиться на жесткой скамье повозки, – Или мне везет заставить город в такой неприглядной размытости?.. Или дело не в дожде?»

Возница посмотрел на одинокого пассажира, прокашлялся деликатно.

Сейчас заговорит, – с легким неудовольствием догадался Робьяр.

– Осень в этом году больно сырая выдалась, – словно прочитав мысли Робьяра, произнес важно возница, слегка развернувшись и скосив на сидящего позади пассажира темный, упрямый под навес всклокоченной брови, блестящий глаз.

– М-да... – неопределенно отозвался Робьяр.

– Помнится, в прошлом-то году осень потеплее была, когда вы к нам навещали.

Робьяр удивился.

– Простите?

– Вы же сыщик из столицы, верно? – пояснил довольно возница. – У меня память, как глина – все отпечатывается, да застывает намертво. Всех, кого возил, помню. Вот в прошлом-то году, почти в эту пору вас возил с той же станции. Мне потом сказали, что вы знаменитый сыщик. Хотите словить у нас того сумасшедшего, что на людей охотился. И вроде как поймали?

– М-да... – снова неопределенно отозвался Робьяр, мимолетно морщась.

– А сейчас небось вас второго безумца вызвали ловить?

– Разве у вас в городе второй завелся?

– А как же, – авторитетно отозвался возница. – Ну, во-первых, про это все знают. А во-вторых, вас бы не стали вызывать, если бы мелочь какая, верно?

– Может, я просто в гости к друзьям, – предположил Робьяр.

– Как же так? – с простодушным недоумением произнес возница, поворачивая к пассажиру огорченную физиономию. – Уж простите, господин... Тут такие мерзости творятся, а вы просто в гости?

– Ну, во-первых, – подражая собеседнику, проворчал Робьяр, – я тоже имею право на отдых, во-вторых, для борьбы с мерзостями у вас есть собственные стражи порядка, а в-третьих, у вас же Гнездо под боком! Вот к ним бы и обращались.

– Гнездо! – с непонятной, но отнюдь не содержащей традиционного благоговения, интонацией отозвался возница. – Как же... Гнездо. Знаем мы, что в этом Гнезде... – Он снова искоса взглянул на пассажира и любопытствовал: – А верно люди говорят, что у вас вроде как нюх небывалый на преступников? На особенных преступников?

– Я обычный следователь, который ловит обычных преступников, – тяготясь разговором, отозвался Робьяр, надеясь отбить интерес у собеседника. Никогда он не умел осаживать других людей, будь то прислуга или коллеги по работе. Невежливо казалось.

Надо было все-таки дождаться людей от городского Главы. Но Робьяру хотелось подольше не видеть кислые до оскомины лица бывших коллег, которые только и будут ждать, пока он удовлетворенно скажет: «Но ведь я вас предупредал!»

Только ничего подобного Робьяр никому не станет говорить. Никакого удовлетворения от того, что нужно заново погружаться в мерзостное безнадежное болото, он не испытывает. Лучше бы он ошибся и все давно бы закончилось. И те кто умнее, понимали его правоту еще в прошлом году, а глупцы, все равно ничего не осознают. К тому же Робьяру хотелось самостоятельно и в одиночестве побродить по знакомым улицам, присматриваясь и «принюхиваясь».

– Простите, господин следователь, хотелось бы спросить, если позволите... – снова решился вступить в беседу возница, наклонившись в сторону пассажира и явно не интересуясь, куда правит.

– Спрашивайте, – нервно разрешил Робьяр, надеясь, что благовоспитанность лошадей простит небрежность возницы. А то дорога, знаете ли, мокрая, а кюветы – глубокие...

– А это верно, что вы слывете охотником?

– Я не люблю охоту, – угрюмо ответил Робьяр. – Зверей жалко.

– За что же вас зовут «охотником за драконами»? Я в газете читал...

– Не знаю. Разве в газете об этом не рассказывали?

– Я-то уж подумал, что верно вы за темным драконом прибыли охотиться.

– За каким еще темным драконом? – Робьяр прищурился, устремив взгляд в затылок спешно отвернувшегося возницы. – Вы что-то слышали?

– Ну, болтают люди всякое. Вроде как завелся у нас дракой, что людей жрет, – передернув плечами и понизив голос, пояснил собеседник. – Я бы не стал таким байкам верить. Драконы с всадниками они хоть и себе на уме, но вроде как простых людей не обижали. Но раз вы в город прибыли, то... – Он многозначительно притих, выжидая.

Серебряная игла Гнезда словно прищипила взор Робьяра, то и дело возвращая к себе. Засунув мерзнувшие руки в карманы пальто, а подбородок упрятав в плотно намотанный на шею шарф, Робьяр нахохлился на сидении, как большая птица.

«Драконы, – с отвращением думал он. – Кругом драконы... Все только и говорят о драконах. И никто не говорит о людях...» – Мельком, краем глаза он заметил какое-то затемнение над городом. Взглянул тревожно, угадывая тающий темный силуэт крылатого исполина, распростершего крылья над крышами...

Тьфу, это просто низкие дождевые тучи. И ничего больше.

Второй день Листохода.

– Не может быть! – донеслись с небес громовые раскаты чужого голоса, породившие болезненное эхо в хрупком сосуде полном тяжести и гудения, в который превратилась моя голова. – Живой Птенец!.. – обладатель голоса подумал и поправился: – Полуживой... – снова подумал и добавил с большим сомнением: – Или дохлый... Посмотри, Колючка, а?

Поскольку я не мог с точностью утверждать, какое из вышеперечисленных состояний наиболее соответствует действительности, то решил рискнуть и открыть глаза, справедливо рассудив, что хуже не будет просто потому, что хуже некуда. Веки поднялись с отчетливым скрипом. Я узрел барсучью морду прямо над собой и испытал непреодолимое желание снова зажмуриться. Барсук, впрочем, рассматривал меня вполне дружелюбными темными глазками и шевелил усами, принюхиваясь. А потом исчез из поля зрения, сменившись великаном, заслоняющим тусклое предзвездное небо.

– Привет, – сказал великан уже знакомым голосом. – Как оно? Ничего?

Я задумался. Лежать было очень неудобно, жестко и зябко. С усилием оторвав свинцовый затылок от неровной поверхности, на которой тот покоился, я чудом извернулся, пытаюсь удержать равновесие и проводил рассеянным взглядом мелких тварей, бросившихся врассыпную. Надо полагать вся эта мелочь ночевала в моих теплых карманах и теперь спешила прочь, чтобы не платить за постой. Твердая поверхность, служившая мне постелью, оказалась каменной, мшистой от старости плитой, и на ее раскрошившейся местами поверхности я поражение разобрал буквы и цифры, сложившиеся в слова и даты.

– Что это? – шепотом спросил я сам себя, но ответ получил из уст говорливого великана, который на самом деле был вовсе не таким огромным, как померещилось спросонья.

– Могильная плита.

Я моргнул, машинально смахнул ладонью с поверхности плиты ворох сухих, почти прозрачных листьев, комья влажной земли, рассыпанные спички, зачем-то безуспешно пытаюсь прочесть надпись. Потом ошалело огляделся, изучая тронутые осенним янтарем деревья, темные развалины чуть в стороне и еще несколько полуразрушенных каменных плит вокруг.

– Где это я? – хрипло осведомился я.

– А ты не глуп, часом? – Непрошенный собеседник издал смешок. – Под тобой и рядом с тобой могилы, попробуй догадаться, что за место?

Я, наконец, взглянул на болтливую незнакомца повнимательнее. Человек тоже изучал меня с откровенным любопытством и, кажется, с сочувственным пониманием. На первый и на второй взгляд этот человек выглядел бродягой – грязная хламида с корявыми заплатами, всклокоченные волосы, худое, плохо выбритое лицо со впалыми щеками, в руках старая заштопанная сумка с веревочными лямками. Однако на третий взгляд вся эта нищенская атрибутика казалась уже несколько нарочитой. Даже совсем пропащий бедолага не станет нашивать на старое пальто такие яркие заплатки. Поэтому я не стал спешить с выводами.

– Откуда ты вывалился. Птенец? – полюбопытствовал мирно незнакомец. – Упал со спины пролетающего дракона?

– Что-то вроде, – отозвался я, схватился руками за разваливающуюся на части голову и спросил невнятно: – У вас не найдется стакана воды?

– Не вода тебе нужна, – усмехнулся проницательно незнакомец. – Пойдем, тут недалеко... Колючка, оставь! – последняя реплика относилась к барсуку, с сосредоточенным видом обнюхивавшему скрученную ужасом ушастую тварь неподалеку. Барсук со странным именем подчинился приказу с явным разочарованием и затрусил, слегка косолапя, за человеком в хламиде. Ушастик ликующе бросился прочь.

Я скорбно вздохнул и поплелся за доброхотом.

– Как тебя зовут, Птенец? – спросил незнакомец, оглядываясь.

– Уж точно не Птенцом... – проворчал негромко я и представился, вынудив человека в хламиде внезапно остановиться, развернуться ко мне всем телом и уставиться с невежливым любопытством.

– Правда, что ли? – переспросил незнакомец, а барсук у его ног уселся столбиков, воззрившись на меня без особого одобрения. – Тот самый Музыкант Кир, по прозвищу...

– Сами вы... – буркнул я, огибая застывшую на пути парочку по дуге.

– Каким же ветром занесло столь известную личность в наши кущи?

– Хотел бы и я это знать, – я тоскливо огляделся.

Судя по всему, нелегкая привела меня ночью к Старому Упокою или, проще говоря, к брошенному кладбищу. С тех пор, как разрушили Святилище, людей здесь больше не хоронили. Поговаривали, что места стали беспокойными, покойники не лежат, как положено, норвя побродить окрест, а поскольку бесцельно бродить и пугать честных тружеников почтенным горожанам не пристало, кладбище закрыли.

Все бы ничего, но Старое Упокою располагалось довольно далеко за Городом и я, несмотря на все усилия, не мог вспомнить, как здесь очутился.

– А мы тебя еще ночью углядели, – болтал между тем незнакомец, вышагивая рядом. – Да только приняли за привидение... Ну, разве могло нам прийти в голову, что на могиле глубокоуважаемого Пемло Качальника прикорнул настоящий Птенец, тем более из...

– А вы сами-то кто? – спросил я, чувствуя, как от непрерывной болтовни трещит голова.

– Вевур, – представился охотно собеседник. – Смотрители и сторожа мы здешние.

– Мы?

– Я и Колючка, – он кивнул на флегматичного барсука, семенящего поблизости.

– Разве на Упокою есть смотрители? Я думал оно брошено...

– Официально – само собой, но ведь как получается? – Вевур заметно оживился. – У всех здесь лежат родственники, то прадеды, то прапрабабки. Не всякий рвется забыть свои корни. Вот и приходят иногда сюда. Им приятно видеть, что за их родичами присматривают, заботятся, а там смотришь, в благодарность и денжат подкинут... А нам с Колючкой много ли надо?

Развалины Святилища и могилы остались, между тем, позади и узкая, засыпанная еще прошлогодними коричневыми, влажно пружинящими по ногам листьями, дорожка свернула в рощицу, окружавшую кладбище. Рощица встретила нас стылой прохладой и утренней птичьей многоголосицей. Справа, под склоненными ветвями старого дерева, высилось покосившееся каменное сооружение, которое больше всего хотелось обозвать склепом.

– Вот, – с гордостью махнув рукой на «склеп», Вевур сообщил внушительно: – Мое жилище!

Все пришедшие в раскальвающуюся голову комментарии я решил держать при себе. На всякий случай. А, переступив порог странного жилища, остановился ошеломленный, огляделся и полюбопытствовал:

– И что, все это вы приобрели от щедрот признательных родственников покойных?

Вевур довольно засмеялся, явно польщенный произведенным впечатлением. Под крышей дома он как-то неуловимо, но отчетливо преобразился, словно сбросил маску слегка расхлябанного, болтливового бродяги. Костюм его остался прежним, как и трехдневная щетина на ввалившихся щеках, и ухмылка от уха до уха, но теперь маскарадность внешнего облика просто бросалась в глаза. Он даже помолодел заметно. Теперь лично я бы не дал ему и тридцати лет.

Разваливающийся снаружи склеп внутри оказался вовсе даже и не чьим-то последним приютом, бессовестно экспроприированным Вевуром, а прекрасным жилищем, обставленным с отменным вкусом и чувством меры. Добротная мебель, резные деревянные панели, прикрывающие холодный камень, многочисленные книги на полках и в нишах, даже скрещенная пара

старинных мечей на подставке. Единственное, что несколько портило общее впечатление – это немислимое количество пустых бутылок, выставленных нестройными рядами вдоль стен. Бутылки были старыми, покрытыми пылью и паутиной и новыми, чисто блестящими. Они были разных форм, размеров и расцветок, с литыми печатями и в соломенной оплетке, квадратные и узкогорлые. Пожалуй, единственное, что их объединяло так то, что раньше они содержали отнюдь не дешевое вино.

Хозяин, гостеприимно пригласив меня внутрь, скрылся в соседней комнате. Барсук привычно прыгнул в одно из кресел и принялся деловито вычищать шкурку. Я потянулся, было, машинально его погладить, но зверек встретил поползновение столь активным неодобрением, что я поспешил отдернуть руку. Однако, слегка задев пушистый мех зверя, я выяснил происхождение его странного имени – в густой шерсти прятались длинные, острые, гибкие иглы. И уж если присмотреться внимательно, этот зверь был барсуком ничуть не больше, чем его хозяин – нищим сторожем кладбища!..

– Прошу, – вернувшийся хозяин протянул мне высокий граненый стакан.

– Это не вода, – с подозрением сказал я, изучая изумрудного оттенка жидкость.

– Это универсальное средство от похмелья, – пояснил Вевур, улыбаясь. – Ты, наверное, уже понял, что в данном вопросе я большой специалист. – Он кивнул в сторону бутылочных отрядов. – Выпей, должно помочь, если, конечно, в твоих жилах не течет ни капли троллиной крови, иначе это снадобье тебя убьет в четверть минуты...

– Гм, – сомнением отозвался я, наблюдая, как булькает и пенится жидкость. За чистоту своей крови я отвечать не мог, ибо был лесным найденышем. Но с другой стороны голову ломило так, что быстрая смерть выглядела не столь уж плохим решением проблемы. Поэтому я сделал глоток. В глазах слегка потемнело, но после сознание прояснилось, череп перестал трещать, а мерзкий привкус во рту сменялся терпимо-отвратительным. Я вздохнул, чувствуя, что поживу еще немного.

– В Гнезде поменяли порядки? – спросил Вевур, с благожелательным интересом наблюдая за моими мучениями. – Или у Птенца были серьезные основания наглотаться забродившего нектара?.. Девушка? – с неожиданной прозорливостью предположил он.

Я только мотнул головой. Вчерашний день и вечер сливались в единый спрессованный, издающий неприятные миазмы ком, ковырять который не хотелось.

– Девушек много, – сообщил Вевур, не столько нравоучительно, сколько задумчиво. – Девушки приходят и уходят. А дракон у тебя один.

– Она тоже... одна, – сумрачно отозвался я, заглядывая а опустевший стакан.

– Девушки прощаются и возвращаются. Драконы – никогда.

Я повел плечами, Меньше всего мне сейчас хотелось выслушивать назидательные сентенции. И без того тошно. Хорошо хоть голова, убаюканная изумрудным зельем, блаженно притихла. Я поставил стакан, намереваясь поблагодарить хозяина за оказанную помощь и попрощаться. Путь до Гнезда неблизкий, а еще предстояло объясняться с наставниками по поводу ночного отсутствия и не мешало бы выдумать что-нибудь по этому поводу... Мой мрачный взгляд рассеянно скользнул по комнате, книжным полкам, мечам и вдруг сам собой задержался на одной из стен, где висел небольшой рисунок, выполненный пастелью: молодая женщина, полуобернувшись, улыбалась зрителю. Но не женщина, в лице которой не было ничего необычного за исключением, пожалуй, слишком высоких скул, привлекла мое внимание, а сам рисунок. Я никогда не считал себя большим ценителем живописи, но в данном случае я почувствовал знакомое до боли присутствие.

– Это ваша работа? – спросил я, не оглядываясь.

– Моя, – спокойно признался Вевур.

– У вас тоже был дракон, – пораженный действительно неожиданной догадкой выдохнул я, ни мгновения не колеблясь в выборе правильного времени.

– Был, – так же негромко и лаконично подтвердил Вевур.

– Что с ним случилось?

– Хотелось бы думать, что он спит, но если не врать себе – полагаю, он давно мертв, – Вевур подошел к одной из полок, небрежно дернул ее за кран, заставив отойти в сторону на невидимых шарнирах, покопался в спрятанной за полкой нише и выудил очередную пыльную бутылку, на этот раз полную. Привычно отбив о край каменного выступа на стене запечатанное горлышко, Вевур плеснул багряную жидкость в один из пустых стаканов, стоявших здесь же, среди книг и хлебнул благородное вино равнодушно, как деревенское пиво. Колючка глазел на хозяина с нескрываемым неодобрением.

– Я продал его, – наконец сказал Вевур, покачивая остаток вина в стакане.

– За хорошую цену? – невольно заинтересовался я.

– Мне так казалось, – Вевур улыбнулся. – Впрочем, и теперь так кажется. Это была хорошая сделка... – Он окинул задумчивым взглядом рисунок и хмыкнул: – А ведь и товар был неплох?..

Я согласился. Поскольку бывший художник явно больше не собирался ничего говорить, я предпринял вторую попытку откланяться и уйти и снова не успел. Снаружи донеслось грохотание, скрежет, немелодичный звон и чей-то заметно дребезжащий голос смачно выругался и завопил на всю округу:

– Вевур, паучье ты отродье, где тебя носит?!

– Ух, ты... – сказал Вевур, спешно убирая ополовиненную бутылку подальше и снова неуловимо меняясь.

Еще секунду назад передо мной стоял спокойный, уверенный в себе человек, с умными серьезными глазами и вот он исчез бесследно, растворившись в личности с суетливыми движениями, заискивающим взглядом и неудержимой болтливостью. Ссутулившись и скривив подobaющую, по его мнению, гримасу, Вевур подмигнул мне и стремительно выскочил наружу:

– Прошу покорнейше простить, – скороговоркой воскликнул он. – Забыл. Виноват. Клянусь, из головы вылетело! Сейчас все сделаю!

– Нажрался, небось, – проворчал дребезжащий голос сердито. – С самого утра!

– Как вы можете так клеветать на меня, – скорбно отозвался Вевур. – Вам ли не знать, что с утра я пью только в хорошей компании?!

– Для тебя и Колючка – компания... Да, держи же! – Что-то с душераздирающим трезвонном посыпалось на землю, сопровождаемое свирепыми и замысловатыми проклятиями.

Я заинтриговано высунулся за дверь и застал удивительную сцену: Вевур и незнакомый мелкий старичок сварливого вида копошились возле груды металлического лома. Старичок яростно ругался, пытаясь стряхнуть железки с себя, а Вевур легкомысленно потешался, помогая ему. Колючка бродил в безопасном отдалении, брезгливо приносясь.

Я отодвинул одну из длинных, блестящих трубок, которые все время цеплялись за одежду старичка, мешая ему подняться на ноги и тот, наконец, сумел встать. Однако, вместо благодарности, он измерил меня гневным взглядом и осведомился, обращаясь к Вевуру:

– Этот, что ли, твоя хорошая компания?

– А чем плох? – улыбнулся Вевур, выпутываясь из тускло сверкающей сетки, которой были оплетены некоторые железки. – Гордость Гнезда! Талантливейший представитель нового поколения...

Старичок только махнул рукой безнадежно и спросил у меня:

– Где ваш дракон, юноша? Его не затруднит дотащить весь этот хлам вон до тех развалин?

– Не думаю, что ему понравится перспектива стать выючным животным, – осторожно отозвался я, изумленный таким оборотом.

– Я разве спрашивал о пристрастиях вашего монстра? – брюзгливо проворчал старичок. – Чего вы глазеее? Помогите тогда сами, если помощь пожилому ученому не оскорбит ваши деликатные руки!

И пожилой ученый принялся споро собирать разбросанный лом, нагружая им перевернутую тележку, распахивая в большие плетеные корзинки и увязывая остатки огрызками веревки. Вевур только довольно скалился, делая вид, что изо всех сил помогает, но когда все было готово, честно подхватил одну из вязанок и корзину и потащил их вслед за старичком с тележкой. Я пожал плечами, подобрал оставшуюся вязанку, пару длинных трубок и поплелся за ними. Колючка налегке замыкал шествие.

Железки оказались чрезвычайно тяжелыми и негабаритными. Они цеплялись за все вокруг, норовили выскользнуть из вязанки и упасть прямо на ногу. Когда я, наконец, добрался до развалин Святилища, то взмок и разозлился. Но улыбающаяся физиономия поджидавшего перед входом Вевура начисто отбило всякое желание ругаться, поэтому я просто сбросил свою ношу на остатки каменных ступенек и облегченно вздохнул.

– Спасибо за помощь, – сказал Вевур. – А то мне пришлось бы лишний раз бегать за этим добром...

– Кто он такой? – любопытствовал я, прислушиваясь к грохоту внутри развалин. Время о времени оттуда вихрем выносились летучие мыши.

– Хорош характерец, а? – Вевур засмеялся. – Нужно просто не обращать внимания. На самом деле он еще хуже, чем кажется. Но зато исследователь великолепный, другого такого во всем мире не сыщешь. За то и ценю.

– И терпите подобное обращение?

– Нам ли, нищим сторожам, привередничать? – Вевур прищурился лукаво, но потом вздохнул почти серьезно: – Характер у него неважный, это верно. Потому и помощников ему найти трудно. А его работа стоит того, чтобы ее сделали... Вдобавок, однажды он оказал мне неоценимую услугу.

– А чем он занимается?

– Как и большинство уважающих себя ученых нашего мира он изучает Стену Мрака, – важно ответил Вевур, покосившись в глубины развалин Святилища, где воцарилась внезапная подозрительная тишина.

– При помощи этого? – я с сомнением посмотрел на груды металлических обломков при входе.

Вевур не успел ответить, потому что появился сам ученый, одарил нас раздраженным взглядом и обратился ко мне:

– Скажите, Птенец, вас не затруднит оказать мне еще одну услугу? Мне до крайности необходимо перевезти кое-какое оборудование из старого музея. Возможно, ваш дракон окажет любезность...

Я молча развернулся и зашагал прочь.

Встающее солнце раскрасило небеса прозрачной акварелью. Ночной ветер согнал облака с небосвода на землю, и они окутали невесомым туманным шлейфом подножия деревьев, поверхность декоративного пруда, обломки каменных плит. Какие-то мелкие твари разбегались врассыпную при моем появлении, прятались за могилами и глазели оттуда с неистребимым пугливым любопытством. Пару раз я замечал темную шкурку Колючки, тихонько крадущегося следом. Впрочем, может быть, псевдобарсук просто охотился в параллельном направлении.

Иногда я ловил краем глаза движение медлительных, зыбких теней между склепами. То ли от деревьев, то ли еще от чего... Не хотелось вглядываться.

Полуразрушенные столбы, отмечающие границы Упокоища, я миновал с изрядной долей облегчения. Я не опасался призраков или дурной славы старинного погоста, но не зря же даже надменные и бесстрашные драконы явно избегали посещения местных достопримечательностей, невнятно мотивируя это нежеланием вспоминать былые неприятные события. Разумные и ехидные наблюдатели выдвигали более правдоподобную версию о том, что высокомерные создания просто пытаются навсегда выбросить из памяти скорбный для них исторический эпизод, когда маленькие жалкие людишки почти свели на нет гордое племя драконов. Основная часть тех безумцев и была захоронена здесь.

Все время пребывания на Упокоище я чувствовал молчаливое присутствие своего дракона. Дракон был рядом, но не подавал признаков жизни, одаривая своего владельца холодным, равнодушным безучастием. Мне меньше всего сейчас хотелось выяснять отношения с ним, поэтому я лишь горестно взглянул в сторону безнадежно далекой серебристой иглы Гнезда, украшавшей светлеющий горизонт, и зашагал по дороге в сторону Города.

Впрочем, пешком мне пришлось идти совсем недолго. Вскоре меня догнала волна скрипов, голосов, лошадиного фырканья и стука копыт, сопровождавших появление небольшого крестьянского обоза. Обозники без лишних вопросов подобрали одинокого путника, и я с относительным комфортом устроился на предпоследней телеге, куда, улыбаясь, поманила молодая темноглазая женщина с сонным ребенком на коленях. Ее спутники – два крепкотелых мужика, сидевшие на облучке, лишь рассеянно покосились на нового пассажира и отвернулись, поглощенные беседой друг с другом. Как выяснилось из их негромкого разговора, обоз шел не в Город, а поначалу в Гнездо, как и сотни других, подобных этому караванов, крестьянских и купеческих. Часть продуктов и прибыли поступала в Гнездо в качестве обычной платы за охрану. Драконы стерегли Рубеж, оберегая мир от наступления Тьмы, а благодарному населению полагалось кормить своих пограничников.

– ...дармоеды проклятушие, – послышался голос одного из крестьян, продолжавшего прерванный моим появлением разговор. – Сколько еще мы будем содержать этих бездельников?

Его сосед что-то невнятно ответил, заставив первого взорваться:

– Да?! А на ... мне это надо?! Уж как-нибудь и сами бы справились!

– ... граница.

– А ты видал ее, эту границу? Бабские сказки! «Говорят, говорят...», – передразнил он свирепо. – Мало ли чего плетут! Наверняка вранье это все. Им надо жрать, а сами добыть не могут, потому как бездельники по призванию и воспитанию, вот они и твердят таким дурачкам, как ты, что без них покоя не будет...

Женщина безмятежно улыбалась, укачивая ребенка и глядя куда-то в сторону отрешенным взглядом. Оживившийся ребенок, напротив, не спускал с меня внимательных глазенок. А я, сам того не замечая, не отводил взора от одинаково стриженных затылков двух собеседников впереди, чувствуя, как наливается кровь драконьей холодной яростью. Дракон тоже слышал болтунов.

– ... дерьмо, – сердито, но уже миролюбивее отозвался первый крестьянин и заключил: – Ладно, чего уж там. Когда закончим дела здесь, вернемся и поговорим. Староста их приручил, вот пусть теперь и отвечает. Коли справно несут они службу, пусть докажут. А коли нет, сам понимаешь, разговор короткий.

– Как же они докажут?

– Это пускай у них голова болит. Они твердят, что за лебязьей границей – селище упырей. Значит их дело выманить гадов оттуда, нам показать и прибить, чтобы мы видели. Вот тогда и поверим, что не зря они наш хлеб жрут и девок портят. Пора уж...

Я не слушал дальше, ощущая некоторую смущенную растерянность и неловкость. Крестьяне говорили всего лишь о наемниках-пограничниках, обычно охраняющих небольшие селения, выстроенные на границах с Издольем, где водилась всякая опасная для людей нечисть.

«А ты о чем подумал?» – насмешливо осведомился внутренний голос.

У ворот Гнезда я расстался с благожелательными попутчиками и вошел внутрь башни. Несмотря на то, что снаружи уже всю властвовало утро, здесь царил привычный прохладный сумрак и тишина. Считалось, что именно такая обстановка наиболее благоприятствует творческому процессу. Вот только мне всегда хотелось увидеть умника, который выдумал это и поговорить с ним по душам об особенностях творческих натур, которые, как простые смертные, также предпочитают тепло и свет.

Впрочем, такая обстановка скорее всего объяснялась иными причинами. Дело в том, что наше Гнездо, как и все остальные Гнезда мира, было выстроено в незапамятные времена с неизвестными целями. Это гораздо позднее его приспособили для нужд Птенцов, видимо, потому, что никому другому подобная махина не пригодилась. Трудно представить для чего первоначально предназначалось это грандиозное сооружение в несколько десятков этажей высотой, разделенное на внутренние, зачастую не сообщающиеся между собой отсеки. Благодаря загадочным свойствам это здание обеспечивало абсолютное уединение своим жильцам, что было на руку Наставникам, поскольку гарантировало сохранение порядка внутри смешанного молодежного общежития, и категорически не нравилось самой молодежи, ибо лишало всех даже возможности невинно ходить в гости друг к другу.

Общими были лишь несколько помещений – нижний холл, зал для собраний, столовая, центральная лестница, посадочные площадки и еще несколько отсеков помельче. А также террасы, узкие, в полтора шага шириной внешние каменные выступы, где неофициально собирались обитатели Гнезда, хотя всем это категорически запрещалось.

В Гнезде постоянно проживало не так много людей, как могло показаться, исходя из его исполинских размеров. Зато оно было под завязку заполнено всяческим оборудованием, и поэтому большая часть внутренних помещений стала недоступна несведущим, нам то бишь. Там властвовали технари и естественно паучники, пытаюсь угадать предназначение наследия предков, так стремительно истребленных благодарными современниками, что они не успели позаботиться об инструкциях для потомков. Никто даже точно не мог сказать, на каком круге истории это произошло. Говорят, это был золотой век, когда удалось продвинуться немыслимо далеко до начала очередной войны... А потом все закончилось, как обычно. Впрочем, об этом лучше расскажут историки.

Пока же знатоки из Гнезда и примыкающего к нему Университета, задействовав все доступные ныне ресурсы, пытаются хоть что-то освоить. Иногда им это удается. Как, например, удается делать немыслимой сложности медицинские операции при помощи древнего, но отменно действующего оснащения лабораторий. Когда-то и Джеанну вытащили с того света как раз здесь... А иногда им это не удается, и тогда один из этажей Гнезда превращается в мертвую зону, а горожане злорадно населяют ее призраками и чудовищами... И, кстати, не особенно и преувеличивают.

Монстр. Где-то в Городе...

Повелитель звал.

Зов этот неудержимый, томительный, беспощадный выматывал его и смертельно пугал. Какое-то время он еще мог бороться с ним, не подчиняться, делать вид, что ничего не происходит. Но тогда Повелитель свирепел и каждый миг существования обращался в пытку. Он мог думать только об этом.

Те, кто находился рядом, иногда замечали, что он ведет себя странно. Они объясняли эту странность по-разному. Кое-кто догадывался, что происходит. Точнее думал, что догадывается.

Особенно Она.

Она чувяла нечто. Она чувяла Повелителя, что было не редкостью. Многие замечали его присутствие. Но лишь она словно бы могла разглядеть истинную сущность Повелителя. Возможно, она слишком хорошо знала его самого. Возможно, она просто оказалась проницательнее других.

Это пугало и раздражало. Она наблюдала за его отлучками и в ее глазах, казалось, стыло понимание и отвращение. Потому что на ее взгляд Повелитель не имел права на существование.

Как странно, но лишь в этом случае всеильный Повелитель был бессилён и уязвим. Он не мог владеть ею, как другими. Он не мог (не хотел?) уничтожить ее, как других, потому что... Потому что она выпадала из привычного рисунка мира. Из фишки на доске Она превратилась в полноправного игрока, пусть еще и не вступившего в действие, и ее нельзя было просто смахнуть, не глядя...

Почему Она все еще не перешла в нападение? Боялась? Вряд ли. В ее глазах было все, кроме страха. Сомневалась? Ждала чего-то? Иногда ему казалось, что Она действует исподволь. Плетет что-то невидимое, неосязаемое, но прочное и способное однажды обернуться ловушкой. Как Она это делает? Почему он не в силах увидеть это?

Недоумение терзало даже Повелителя. Но пока предпринять что-то, не лишившись покрова тайны, было бы слишком рискованно. Мелких, но таких въедливых людишек вокруг стоит опасаться даже могучему властителю, ведь их слишком много.

Оставалось выжидать, стараясь не оставлять следов, которые могли бы навести Ее на логово Повелителя.

Другие дороги, другие дни.

Огонь трепетал, танцевал и ласлился. Он нетерпеливо касался закопченных стенок никогда не чищеного очага, жадно облизывал потрескивающие дрова, ласкал железную, черную как ночь решетку... Огонь был другом. Он дарил тепло. Он успокаивал. Он надежно хранил тайны... Одна из них как раз сейчас превращалась в угольки.

Девочка поворошила золу кочергой, припрятывая предательски уцелевшие остатки: несколько спекшихся бусин, стеклянная пуговица, почти расплавленное колечко из дешевого мягкого металла... То-то Шаррона теперь разозлится, не обнаружив своего сокровища! Девочка мимолетно улыбнулась, предвкушая, и машинально потерла синяк на скуле – огромное, безобразное лиловое пятно, появившееся на ее лице благодаря злучке Шарроне. И это тогда, когда девочку пригласили на Прощальную ярмарку в городе!

Смутный переполох в глубине дома заставил ее насторожиться и прислушаться.

«Где эта маленькая дрянь?! – донесся плачущий женский вопль, – Вы посмотрите только, что она натворила!.. Да?! А кто же еще?!.. Пустите, я ей глаза выцара... Пусти!» – вопль взметнулся до истерического визга и грохот в глубине дома опасно приблизился.

Девочка не стала дожидаться расплаты, а привычно скользнула в темный закуток за очагом. О его существовании помнила только она и использовала как убежище в подобных ситуациях. Надо ли говорить, что похожие ситуации возникали частенько...

Комната наполнилась возбужденными людьми, пытающимися сдержать разъяренную фурию – высокую молодую женщину с размазанной по лицу косметической краской. Искаженная ненавистью физиономия заметно уродовала ее, но в обычной обстановке, наверняка, не один мужчина внимательно глядел ей вслед. Да что там, если говорить открыто, не один мужчина платил хорошие деньги, чтобы провести с нею пару часов. Потому что лишь совсем неискушенный наблюдатель, увидев эту толпу кричаще одетых и аляповато накрашенных женщин, не догадался бы, где происходит дело.

Женщины принялись разногласно вопить и скандалить, как-то незаметно забыв, зачем они примчались сюда и лишь появление новых действующих лиц заставило их умолкнуть, да и то, только после резкого окрика хмурой седовласой дамы, облаченной в строгое темное платье. Женщины стихли, поспешно поправили пострадавшие прически и кокетливо заулыбались, привычно выставляя свои прелести, поскольку вместе с седовласой в дверь вошло целых три мужчины, и судя по внешнему облику, отнюдь не оборванцев. Добротные костюмы, уверенные лица, твердые взгляды... Может быть слишком твердые, для приличных людей, но заведение моны Каримы не отличалось фешенебельностью, и ее девочки не привыкли привередничать.

Но к величайшему всеобщему разочарованию мужчины, за исключением одного, самого толстого, даже не взглянули в сторону кокеток. А единственный, кто заинтересовался, выбрал, естественно эту стерву Шаррону, проигнорировав даже слой размазанной косметики на ее мордашке. По знаку седовласой Каримы недовольные женщины скрылись, а двое оставшихся мужчин устроились в деревянных креслах у очага. Девочка, лишенная возможности незаметно исчезнуть, притихла. Но и ее тоже поджидал сюрприз. Карима подошла к очагу и постучала по решетке:

– Крошка, я знаю, что ты там, вылезай!..

Встревоженная девочка перестала дышать, затаившись и надеясь, что Карима пошутила или просто лишний раз боится. В детстве ее часто обманывали подобным образом. Но мона Карима снова постучала по решетке, на этот раз сильнее и обойдя очаг, заглянула за каменную кладку:

– Выходи, милая. Эти люди хотят поговорить с тобой... – и добавила свистящим шепотом: – Вылезай, мерзавка, иначе вытащу за космы...

Сердце девочки замерло на целую вечность, замороженное ужасом, а потом забилося часто, неровно, толкаясь в ребра. И каждый толчок отдавался резкой болью. Девочка знала, что рано или поздно случится нечто подобное, что она услышит роковой зов, что это произойдет обязательно и с ней, как со всеми остальными, в конце концов, она росла в публичном доме, а не в оранжерее и глупо было бы надеяться... Но она надеялась до сих пор.

– Вылезай! – прозвучал третий строгий оклик, и девочка завозилась, выбираясь наружу. Деваться все равно некуда.

Выбралась, отряхнулась, не глядя ни на кого, вскинула надменно подбородок. Зеленые глаза стрельнули вокруг и погасли лишь тогда, когда их обладательница убедилась – пути к бегству перекрыты. Карима заранее все предусмотрела и заперла лишние двери. Уж она-то знала нрав своей воспитанницы.

– Малышка, – проговорила Карима почти ласково, поправив складку на помятом платье девочки. – Эти добрые люди хотят, чтобы ты спела для них...

– Что?! – хрипло переспросила пораженная девочка. Ей показалось, что она ослышалась.

– Люди рассказали им о твоём чудесном голосе, и они пришли послушать, как ты поешь... – сообщила Карима, вкрадчиво улыбаясь молчаливым посетителям.

Девочка изумленно моргала. Пришли в публичный дом послушать пение?.. С другой стороны, куда же им еще идти, если она здесь живет? Девочка на всякий случай с сомнением посмотрела на молчунов в креслах и увидела отчетливый кивок одного из них. Что ж, если они так хотят... Возможно, это только вступление к дальнейшему. Сердце болезненно трепыхалось.

Девочка встала поближе к огню, чтобы хотя бы со спины чувствовать себя защищенной, сжала кулаки, спрятав их в складках юбки, подумала несколько мгновений, выбирая песню и стараясь немного успокоиться, иначе, голос не послушается ее, а потом запела.

Нет, что бы ни случилось, что бы не происходило с девочкой, голос – звонкий, сильный, покорный – никогда не изменял ей. Петь она начала так давно, что не помнила, как это случилось впервые. Ей временами казалось, что даже в колыбели она пела. Пела так, что люди вокруг бросали свои дела и слушали только ее. Никто никогда не учил ее владеть голосом, но она знала как это делается инстинктивно. Тарита, которая в отличие от самой девочки помнила момент ее появления в заведении моны Каримы, говорила, что хозяйка согласилась купить у оборванцев-родителей их трехлетнюю дочь лишь из-за ее необычного голоса. Кариме казалось, что это может привлечь внимание клиентов к ее заведению. Но она ошиблась. Клиентов, как правило, не особенно интересовало музыкальное сопровождение. Да и девчонка оказалась чрезвычайно строптивой. Так что последние несколько лет Карима чаще жалела, что взяла в дом эту хамку. Редкую радость ей доставляли только выезды девочки на городские ярмарки, откуда она привозила денег зачастую больше, чем иная девица заработает за неделю. Люди слушали маленькую певицу. И платили деньги за ее талант. Но Карима чуяла, еще год-два и своенравная девчонка, скорее всего, сбежит однажды ночью. Поэтому появление этих двух сумрачных типов с, безусловно, интересным предложением было как нельзя кстати. Если девчонка им понравится, они обещали сумму, какой Кариме с лихвой хватило бы на ремонт старого здания, где щели в полах были такими, что крысам приходилось перепрыгивать их с разбега.

Карима, хотя и привычная к пению воспитанницы, невольно заслушалась. Незнакомая, мрачная мелодия лилась из дрожащего горлышка лядященькой девчонки переливчатым потоком. Как ей это удастся? Карима с удовлетворением отметила, что двое в темном определенно заинтересовались. Сидят, не спускают глаз с малышки, даже не переглядываются. И ни у одного в глазах нет таких знакомых похотливых искорок. Хотя с другой стороны, чем способна привлечь мужчину это худышка, похожая на лягушку?

– Хорошо! – внезапно сказал один из молчунов, которые, кстати, даже не соизволили представиться. – Достаточно...

Девочка запнулась и смолкла, кажется, впервые в жизни растерявшись. Еще никто не осмеливался прервать ее пение. С верха лестницы спускавшейся в комнату, донесся легкий переполох, когда обитательницы дома моны Каримы, привлеченные пением, торопливо исчезли за дверью. Девочка машинально взглянула туда, лишь бы только не смотреть на своих слушателей. Успокоенное пением сердце снова заняло... Что-то теперь будет?

– Что с ее лицом? – вдруг осведомился второй из молчальников.

– Споткнулась и упала неудачно, – поспешно отозвалась Карима. – Знаете, эти дети... Это скоро пройдет, – добавила она горячо. – Вообще же она очень хорошенькая, особенно при свете дня. А еще через пару лет станет красавицей!..

Девочка изумленно уставилась на Кариму, которая не далее, как сегодня утром обозвала ее жабьей мордой. Посетители переглянулись. Потом первый спросил, словно не замечая присутствия девочки:

– Она не испорчена?

– Что? – переспросила слегка сбитая с толку Карима. – А!.. Конечно! Ей же только восемь!

– И что с того? – равнодушно спросил мужчина.

– У нас честное заведение! – с неожиданной обидой отозвалась Карима. – Мы не развращаем малолеток!

– Вы их просто продаете незнакомцам, – закончил насмешливо собеседник.

Карима озлилась:

– Вас заинтересовал ее голос, а не умение раздвигать ноги. Мне подумалось, что вы хотите дать девочке шанс выбраться отсюда, где ее талант никому не нужен. Если же вам нужны цветы-малышки, загляните через улицу... – продолжая говорить, Карима мелкими шажками приблизилась к двум мужчинам и сейчас нависала над ними коршуном. Или раздраженной гусыней, если быть объективнее.

Изрядно озадаченная девочка, которой прежде никогда не доводилось видеть мону Карима такой, наблюдала за сценой со смешанными чувствами. И заметила, что путь к входной двери открыт, только когда стало слишком поздно для бегства. Один из мужчин поднялся и сообщил спокойно:

– Мы забираем ее, если вы еще не передумали. Вы получите за девчонку столько, сколько запросили. И еще монету сверх, если соберете ее за две минуты и вытащите из постели вашей шлюхи толстого борова, что ушел с ней...

Карима, собиравшаяся что-то сказать, захлопнула рот и унеслась по лестнице с необычной для ее возраста прытью, оставив окаменевшую воспитанницу наедине с двумя незнакомцами, которые только что в ее присутствии купили девочку, как мешок морковки. За ее короткую жизнь подобное происходило уже второй раз. В первый раз ее продали родители, у которых детей было больше, чем мышат, и их девочка могла если не простить, то понять. Но Карима продала ее просто ради денег, в которых не особенно нуждалась. В конце концов, на Прощальной ярмарке, и на Весенней, и на десятке других маленькая певунья зарабатывала совсем неплохо и никогда не была никому обузой...

– Сколько вы за меня заплатили? – вдруг спросила она незнакомцев.

Те взглянули на нее с любопытством. Тот, что повыше усмехнулся;

– Тебя это и вправду интересует?

Девочка промолчала. Ей хотелось заплакать, но в присутствии этих надменных типов и вернувшейся предательницы Каримы она не могла себе этого позволить, и лишь снова вскинула подбородок. Что ж, сделанного не воротишь. Никого умолять она не станет. А как только представится благоприятная возможность...

– Даже не помышляй бежать, – с пугающей пронизательностью молвил один из незнакомцев. – От нас не бегают. Ты знаешь, кто мы? Ловцы смертников...

Сердце девчонки грызли черви.

Огонь, мятущийся в очаге, дрогнул и с шелестом лизнул решетку. Все кроме девочки заметили во вскипевшем пламени темную тень. Карима машинально сделала защитный жест, прижав к груди собранный для воспитанницы узелок, а двое мужчин переглянулись удовлетворенно.

Никакими Ловцами смертников они не были. Девочка поняла это очень скоро. Нокр приврал для солидности, как это за ним водилось. А оказались они обычными, может быть чуть более наглыми, чем другие, контрабандистами. Сбежать от них было трудно, но возможно, однако девочка не стала делать этого по одной простой причине. Как-то она краем уха услышала, куда направляются Нокр и его партнер Джам, а так же что они собираются сделать с ней самой, и желание слинять исчезло. Контрабандисты держали путь до Гнезда Драконов, и намеревались перепродать девочку Гнезду. По словам Джама (который, в отличие от своего напарника привирать не любил), за дар певички там могут заплатить вчетверо больше, чем потратили они на покупку ребенка. Пораженная девочка долго приходила в себя после этого сообщения... Ее! В Гнездо Драконов?! Зачем?!.. Но Нокр и Джам ничего не делали напрасно, поэтому она решила продолжить путешествие с ними. В конце концов, если Гнездо откажется ее покупать, сбежать можно и потом. Тем более что вопреки ее опасениям, контрабандисты девочку не обижали, кормили сытно, купили неплохую одежду. Даже работу поручали посильную. И ни один из них, кроме Толстяка, не делал попытки дотронуться до девочки. Более того, они даже отгоняли Толстяка, у которого, похоже свербило в одном месте и на шаловливые пухлые руки которого девочка постоянно натыкалась. Толстяк был хорошим оценщиком, и лишь за это Нокр и Джам терпели его, но по их же словам, неприятностей от Толстяка было больше, чем пользы и они планировали избавиться от него в ближайшее время. Толстяк знал об их планах, и свою досаду срывал на девочке. До сих пор ее оберегала не столько защита Нокра и Джама, а собственная сноровка и несколько весьма эффективных приемов, которым малышку обучили подруги в заведении моны Каримы.

Девочка собрала посуду в котел и направилась к ручью. Нокр и Джам, уже привыкшие к тому, что девочка послушно возвращается, даже не повернули головы, чтобы проводить ее взглядом. Они изучали карту, прикидывая завтрашний маршрут. А Толстяк, к счастью, еще засветло отпросился прогуляться до соседнего селения. Так что можно было не беспокоиться. Поэтому девочка не торопилась, с удовольствием вдыхая прохладный ночной воздух. Близилась весна и на некоторых деревьях уже трескались набухшие почки. Скоро придет лето. Еще недавно оно казалось невообразимо далеким. И тогда уж точно девочка и представить себе не могла, что ее ждет такое приключение...

Вода в ручье обжигала руки холодом, но девочка не замечала этого. Она рассматривала небо, расцвеченное высыпавшими к ночи звездами. Где-то среди них пугающее Око. Недавно Нокр неохотно показал ей драконье созвездие, но с ходу выделять его среди других звезд она еще не научилась. Это, говорят на севере и востоке, кроме Ока Дракона никаких звезд почти не видно, а здесь они крупные, яркие, как цветы. Впрочем, если приглядеться и здесь Око переливается отчетливее остальных, как самоцветы среди стекляшек... И отчего люди его боятся? Нет, конечно, она слышала миллионы рассказов и про кровь драконов и про проклятия, несущие беды, но разве мало бед выпало на ее долю, хотя девочка родилась в благоприятный сезон, когда Око Дракона почти неразличимо? А драконы... Они великолепны!

– Вот она ты где, цыпленочка, – полился в уши липкий, мерзкий шепот, а пухлые, мягкие, но при этом неожиданно сильные руки сжали локти девочки.

Занятая звездами, девочка забыла о земле, и не заметила, как подкрался вернувшийся Толстяк. Она забилась, пытаясь вырваться из его захвата, но было поздно. Рот ее залепила чужая ладонь, в предусмотрительно надетой перчатке, кусать которую было бесполезно. Да и

брыкаться бессмысленно. Толстяк без труда одолеет восьмилетнюю девчонку. Но она рвалась, изворачивалась зверьком, выкручивалась, пытаясь дотянуться ногтями до круглого и рябого, как приметная недобрая монета, отвратительно ухмыляющегося лица, до масляных глазок, полных вождления, пнуть пяткой в оттопыренный бугорок на штанах...

– Ах ты, птичка, – бормотал Толстяк, скручивая свою жертву, как куклу. – Ах, как бьется твое сердечко...

Сердце в самом деле колотилось о ребра бешено и неровно. За несколько прошедших спокойных недель девочка и забыла, как может оно неистово болеть. Словно прошла его раскаленная игла, и бедное сердце пытается соскочить с нее, но тщетно... Ненависть, гнев, бес- сильная ярость захлестнули ее с головой. В глазах потемнело. И даже пораженный Толстяк чуть ослабил захват.

Внезапно что-то произошло. Теряющая сознание девочка еще успела различить, как посерело лицо Толстяка, смотрящего куда-то через плечо своей жертвы. Как слюняво распу- стился его рот, рождая суматошный крик. И как чужая тень напозла на них обоих – охотника и жертву...

... – Урод, – угрюмо сказал Нокр. – Чуть все дело не испортил... Козел похотливый!

– Он точно не успел? – спросил Джам.

– И ты урод, – с чувством отозвался Нокр. – Можно подумать было бы незаметно!..

– Что-то она, как неживая...

– С сердцем у нее нехорошо... Стучит неровно. Сейчас, вроде, получше. Похоже, окле- мается...

– Где этот придурок?

– Побежал заливать свою потерю... – Нокр хихикнул. – Думаю, у него это навсегда. Такое не лечится. Страх хуже топора.

– Ты... – Джам замялся. – Ты тоже видел Это? Что это было такое?

– А тебе как померещилось? – раздраженно ответил Нокр. – По-твоему, зачем мы тащим ее в Гнездо? Песню им спеть?

– Никогда не думал, что это так происходит, – признался Джам,

– Происходит по-разному, девчонка просто напугалась сильно, вот так и вышло. Да и талант у нее редкий, сильный...

– А зачем так блюсти ее невинность? Голос ее не пропадет, если кто-то попортит ее.

– Не знаю... Просто в Гнезде дают больше за девственных. Говорят, их драконы слушают лучше... Смотри, кажется, очнулась...

Другая сказка про дракона.

На краю старого леса стоял маленький город. Населяли его люди разные: умные и глупые, добрые и злые, щедрые и скупые, Жили они, поживали, но вдруг стали замечать, что жизнь с каждым годом становится все хуже и хуже. Соседи – злее, дети – невоспитаннее, цены – выше... С каждым днем становилось, по общему, разумению все страшнее. То, что вчера сияло золотом – сегодня рассыпалось прахом. В старые времена и солнце было ярче, и дома теплее, и хлеба сытнее.

Нехорошо стало жить.

И принялись люди искать виноватого.

А так уж вышло, что неподалеку от города свили свое гнездо драконы. Появились они в старом лесу неизвестно откуда, но хлопот не причиняли. Вполне мирно уживались с соседями-людьми. Нельзя сказать, что между драконами и горожанами царило абсолютное согласие, поскольку были они слишком разными, но и до раздоров не доходило.

Однако нашелся умный человек, который указал людям на причину их несчастий. По его словам драконы год за годом незаметно крали радость и покой доверчивых горожан. И хотя поначалу люди не поверили умнику, но поразмыслив, согласились. А в самом деле, разве не так? Кто их знает, этих драконов? Чем живут они, чем дышат? Странные твари, ведут себя странно, рассуждают о странных вещах. Может и верно, зря горожане терпят их под боком? От них все беды?

Пшеница вымерзла? Драконы виноваты, летают над головой, мешаю следить за погодой. Дети не слушаются? Снова драконы, ибо вместо того, чтобы учиться дети глазают на странных чудовищ. Разбойников развелось пуще прежнего? Ну, так это понятно! Драконы известные хищники... А драконовский налог?..

Подумали горожане, да и выписали в складчину из столицы известного дракоборца по имени Асгар. И попросили его истребить драконье гнездо. Что храбрец Асгар и сделал с привычным мастерством.

Но ждут, ждут горожане улучшения своей жизни, а лучше не становится. Соседи, как были сволочами, так ими и остались. И дети по-прежнему хулиганы. И ворья развелось. И... Не иначе обманул их столичный охотник. Не всех драконов убил.

Изрядно озадаченный Асгар вернулся, поскольку был честным человеком и решил довершить начатое. Пошел он в пещеру и в самом деле обнаружил там дракона, свернувшегося кольцом и шутившего на охотника насмешливый взгляд. И хотя с виду дракон был обычным, но опытный взгляд Асгара словно бы уловил незначительное отличие. Однако разбираться со странностями охотнику было некогда, и после многочасовой битвы Асгар снова одолел врага.

Надо ли говорить, что через некоторое время возмущенные горожане убедились, что в пещере по-прежнему остался дракон, ибо их жизнь день ото дня становится все хуже. Гнев людей возрастал.

Асгар был вынужден снова вернуться и закончить начатое. Он убивал драконов, но ничего в городе не менялось. Горожане злились, обзывая охотника лжецом и вымогателем. А тот мог только разводиться руками. Он понял, что этот дракон бессмертен.

Однажды, наверное в сотый раз Асгар привычно поднялся по тропинке к пещере, обнаружил очередного дракона с насмешливым взглядом и занес уже изрядно иззубренный меч, когда молчаливая обычно рептилия вдруг спросила:

«Отчего ты не оставишь меня в покое, охотник? Чего ты добиваешься?»

«Я хочу убить тебя, подлая тварь!» – смело ответил усталый Асгар. – «Вернуть покой и счастье этому городу. Да и самому вернуться домой, к детям»

«Видно, придется твоим детям расти без отца», – усмехнулся дракон. – «Ты можешь прийти сюда десять тысяч раз, но ничего не переменится. Дело твое безнадежно»

«Я убью тебя, даже если ты бессмертен!» – крикнул Асгар, и услышал в ответ только презрительный смех.

Убив очередного дракона, Асгар вернулся в город, который ожидал его, настороженно молча. Давно прошли времена, когда появление драконоборца встречали ликующими криками. Храбрый охотник успел отвыкнуть от них. Но и здесь ему предстояло удивиться, поскольку столпившиеся на главной площади горожане тоже заговорили.

«Ты убил дракона, смелый Асгар?» – спросили его.

«Да», – кивнул он.

«Если дракон мертв, отчего же не выросла наша пшеница?»

«Как же ей вырасти, коли вы не сеяли ее?»

«Как же нам сеять ее, коли мы все время ждем твоего возвращения с подвигами?» – осведомились горожане. И Асгар заметил ненависть в их глазах.

«Отчего дети наши не слушают нас?» – снова спросили горожане.

«От того, что вы забыли о них, споря с соседями», – ответил охотник.

«А может быть от того, что они день и ночь только и делают, что наблюдают за тобой, о, смелый драконоборец?» – отозвались горожане злобно.

«Отчего цены так высоки ныне?» – спросили они, придвигаясь к Асгару. – «Может быть от того, что мы слишком дорого платим за твои услуги?»

«А может быть от того, что вы ничего не делаете с утра до вечера, а только ждете, пока я убью очередного дракона?» – не выдержал Асгар.

«Ты лжец, охотник!» – сказали люди. – «Ты предал нас! Сговорился с проклятой тварью, чтобы вытащить из нас побольше денег! Или ты просто трус, который не может справиться с драконом и обманывает нас! В любом случае ты заслуживаешь смерти!»

И они схватили охотника, связали его и потащили к драконьей горе. Сколько ни оглядывался вокруг Асгар, он замечал только злые, гневные лица, пылающие яростью и обидой глаза, искривленные криком рты. Он не удивился, когда они приволокли его к знакомой пещере и бросили, связанного, у входа.

Асгар знал, что никакого сговора с драконом у него нет, и ящер не пощадит его, если застанет таким беспомощным. Поэтому он изо всех сил принялся освобождаться. Но шло время, а дракон все не появлялся. И когда озадаченный охотник сумел распутать веревки, первым делом он заглянул в странно тихую пещеру. И не нашел в ней никого. Только старые камни, присыпанные пылью времени, да остатки давнего побоища, когда была уничтожена драконья семья.

Дракон-одиночка исчез, как исчезли следы бесчисленных сражений Асгара с ним. Словно его никогда и не было.

Утомленный охотник окинул прощальным взглядом город внизу, залитый огнями пожара, и ушел прочь. Вот только с тех пор ходит среди людей история о неистребимом драконе, с которым не сладил даже великий драконоборец, и о несчастном городе, до сих пор стенающем под властью проклятой твари.

Третий день Листохода.

Вверх... Туда, где нет ничего, кроме сотворенного мной. Где вселенная послушна и покорна моим прикосновениям. Где наслаждением является каждый миг. Только я и вечность.

Дракон смеется. Он в своей стихии. Он чувствует ветер. Он знает дорогу. Он ведет в неизведанное...

Забыть боль, ненависть, усталость. Забыть суету повседневности. Здесь царство иного. Здесь мир, ради которого мы способны стерпеть и боль, и скуку, и тоску... Ради этих мгновений, растянутых в бесконечность. Ради ощущения полета. Ради свободы и всемогущества...

«Ты все еще сомневаешься?» – спросил дракон. – «Хочешь поменять это на жалкий покой?»

Я не ответил, наслаждаясь скоростью, ветром, расплескивающимся по стеклу шлема, бездонной вселенной вокруг. Я не хотел думать,

«Здесь ты владеешь целым миром, а там?»

– Там я владею собой...

«Не лги себе!» – дракон жестко усмехнулся. – «Там другие владеют тобой. Люди, обстоятельства, долги, чувства...»

– Миллионы людей живут так.

«Хочешь раствориться в миллионе подобных?» – дракон зло засмеялся. – «Хочешь из творца стать глиной?.. Что ж, можешь попробовать. Но испытав однажды сомнение в своем праве творить, ты навсегда потеряешь власть надо мной, и – что еще хуже – над самим собой. Желаеть?»

– Но я могу отказаться от своего права навсегда и ни о чем не жалеть... Жить, любить...

«Твой дар слишком силен. Чтобы избавиться от него, тебе придется выжечь его. Не приковать дракона к земле, а отрезать ему крылья. И год за годом смотреть, как взлетают другие... Ты станешь калекой. Вместо любви в твоём сердце поселится ненависть. Ты проклянешь и себя и ту, что заставила тебя сделать выбор»

Я стиснул зубы. Невероятная, восхитительная вселенная разворачивалась передо мной. Незнакомая, огромная, неизведанная. Можно было бесконечно долго лететь вперед и ввысь, оставляя далеко внизу, за спиной... Что?

«Драконья кровь – это не дар и не награда. Это проклятье. Наслаждение, приправленное дурманящей горечью сомнений...», – примерно так утверждал один хороший, и самое главное, понимающий человек.

Но все это потом, Сейчас только всепоглощающий восторг стихийного полета. Я слит воедино с драконом. Я чувствую его мощь и силу, вижу мир вокруг его нечеловеческими глазами. Дыхание перехватывает. Реальность зыбка и подвижна. Ликующий дракон ныряет в ее недра, несется прочь, кувыркается, подчиняясь моему смутному желанию и там, где только что была бесформенная какофония звуков и символов, рождается музыка и образы иного пространства... Моя вселенная!

Я спрыгнул на площадку, щурясь на восходящее солнце, и поймал себя на том, что довольно улыбаюсь. Удовлетворенный дракон тоже не спешил улетать, задержался рядом, неторопливо разводя изумительные крылья, демонстрируя янтарное, слегка гипнотизирующее мерцание солнечных бликов на их поверхности. Странное существо, нереальное для многих, однако излучающее едва переносимые мощь и напор, превосходящие любую реальную силу и иногда смертоносные, от которых хотелось заслониться, как от сухого, испепеляющего жара. И воздух плыл и дрожал над исполином, прозрачно переливаясь. Я машинально провел ладонью по шершавой и такой настоящей шкуре, и надменный дракон стерпел даже это, лишь хмык-

нув рассеянно, а затем взмахнул крыльями, едва не сбив неосторожных наблюдателей с ног, легко оттолкнулся и взмыл в прозрачное небо, вызвав всеобщий вздох испуганного восхищения. Нет, все же привыкнуть к зрелищу взлетающего дракона невозможно.

Я понаблюдал, как он исчезает из поля зрения, и как обычно ощущал, что контакт не разорван и дракон все еще рядом. Как всегда. Честно говоря, когда я терял с ним связь, то чувствовал себя определенно не в своей тарелке.

– Здорово, – негромко выдохнул знакомый голос, и, оглянувшись, я обнаружил Вейто, не спускающего глаз с облаков, где безмятежно парили почти неразличимые отсюда точки драконов.

– Что «здорово»? – любопытствовал я, заинтригованный искренним чувством, прозвучавшем в единственном коротком слове.

– Дракон у тебя замечательный, – отозвался Вейто.

– Да и у тебя неплох, – слегка озадаченно вернул я комплимент.

Вейто неопределенно повел плечами, наконец, опуская взор с небес, и что-то странное, тоскливое мелькнуло в его светлых глазах, когда он уныло согласился:

– Неплох... наверное, – он повертел в исцарапанных пальцах оторванный с куртки значок и добавил доверительно. – Боюсь я его...

– Кого? – растерялся я.

– Дракона, – устало пояснил Вейто. – Беда просто... Наставник предложил мне поговорить с тобой на эту тему.

– Почему со мной?

– А с кем же? – Вейто хмыкнул и кивнул подбородком в сторону: – Не с ним же...

Я посмотрел в указанном направлении и увидел Аяра, собирающего полетное снаряжение. Его дракон как раз опускался на площадку, откликнувшись на беззвучный зов всадника. Реальность будто качнулась – на мгновение померещилось, что окружающий нас мир содрогнулся, вызвав приступ головокружения и нестерпимое желание уцепиться за что-нибудь надежное.

Дракон приземлился, повел грациозно крыльями, повел зауженной головой, безразлично озираясь вокруг. Совершенный и бескомпромиссный, как доказанная теорема. И я невольно порадовался тому, что моего дракона уже нет поблизости. По сравнению с этим неопишуемым великолепием мой выглядел просто жалкой пародией. А все остальные присутствующие на площадке драконы съезжились и затаились по углам. Он, Аяров дракон, не был велик и страшен, но подавлял одним своим присутствием, излучая ток такой невообразимой силы, что становилось не по себе. Иногда казалось, что Аяр управляет временно усмиренным ураганом.

Аяр, как всегда слишком поглощенный собственными мыслями, чтобы обращать внимание на впечатление, которое производит его дракон, лишь рассеянно оглянулся, немного удивленный внезапной тишиной, задел меня взглядом, приветственно кивнул и двинулся к своему гиганту.

– Каков, а? – шепнул кто-то позади.

– Вот человек, который всегда ладит со своим драконом, – грустно сказал Вейто.

– Этот человек растворен в своем драконе, – вмешалась только что появившаяся Джанна, проводившая уходящего Аяра прищуренным недобрим взглядом. – Упаси тебя Хранящий, стать таким.

– Почему? – Вейто оглянулся.

– Потому что Аяр – гений, а ты – нет, – с обычной безапелляционностью ответила Джанна. – Он служит своему дракону и кроме дракона для него ничего не существует на этом свете. И он счастлив, потому что иначе жить не можешь. А в тебе слишком много человеческого...

Величественный гигант воспарил в синеву утреннего небо, унося своего отрешенного всадника. Люди и служники вокруг зашевелились почти облегченно, заговорили, обсуждая пережитое.

Хотя мы много лет жили под одной крышей и были ровесниками я, как, впрочем, и все остальные не знал об Аяре почти ничего. По слухам он и в самом деле был гением. Что-то связанное, кажется, с математикой. Что-то настолько странное и невероятное, что в ближайшем окружении не находилось даже людей, способных оценить его работу по достоинству... Друзей у него никогда не было и это абсолютно не тяготило его. Он жил целиком и полностью в своем мире – холодном и чистом пространстве высшей гармонии. Единственный, с кем он делил свой досуг – это был его столь же холодный и спокойный дракон, воплощающий не стихию, как большинство наших, а скорее истинный разум и порядок.

Хотя человеком Аяр в сущности был неплохим. Если вам удавалось привлечь его внимание, то вы получали чрезвычайно умного, доброжелательного, может быть слегка рассеянного собеседника, разговаривать с которым было скорее мучением, чем удовольствием и общаясь с которым вы вполне могли заработать комплекс неполноценности.

– Во всяком случае его не терзают сомнения, – констатировал Вейто скорбно, глубоко вздохнул и поплелся прочь, сгорбившись.

– Что это с ним? – удивился я.

– Да он вообще странный, не замечал? И у него серьезная проблема, – без особого сочувствия, скорее иронично пояснила Джеанна, бросив вслед уходящему лишь короткий острый взгляд, будто дротик. – Он никак не сладит со своим драконом.

– То есть?

– А что, ты не знал? Вейто у нас большой уникам. Должен уметь многое, но не умеет ничего. По-моему, он просто боится... Чего-то или кого-то.

– Кого?

– Собственного дракона, например. То ли дар его странен, то ли сам он природный трус. Вот и мается. И дракона не пускает, и сам... скулит, – презрительно сообщила девушка.

– Как я посмотрю, ты его не слишком жалуешь... Вроде бы раньше такого я за тобой не замечал.

– Не знаю... – Джеанна неопределенно повела плечами. – Ничего такого я против него не имею... Просто раздражает он меня чем-то. Наверное, я плохо переношу тех, кто не знает, чего хочет и всем морочит голову... – Она подняла на меня глаза и засмеялась: – Однако, ты и уставился на меня... Не понимаешь? Где уж тебе...

– Прошу прощения? – оскорбился я.

– Тебе ведь даже в голову никогда не приходило, что дракон может не подчиниться? – Джеанна смерила меня снисходительно-дружелюбным взглядом, улыбнулась и перевела разговор на другую тему: – Что сказал Наставник после твоих ночных приключений?

Я отмахнулся.

– Как всегда... Взывал к чести и совести.

– Не может быть, – восхитилась довольная Джеанна. – В его-то возрасте... И никаких санкций?

– Парочка дополнительных дежурств, и кое-что еще по мелочам...

– Вот что значит иметь безупречную репутацию, – девушка задумчиво намотала на палец длинную светлую прядку.

Из арки входа показалась неразлучная троица во главе с необычно хмурым и молчаливым Шауром, который одарил нас с Джеанной лишь мимолетным вниманием. Его послушные спутники гуськом семенили за ним.

– А вот им влетело значительно больше, – прокомментировала негромко Джеанна. – Вчера они тоже подзадержались...

Троица умело вскарабкалась в седло светлокрылого угрюмого дракона, источавшего неудовольствие и раздражение, наверное, с момента своего рождения. Кому из них троих принадлежал дракон на самом деле не знал никто. Считалось, что всем троим одновременно. Тем более, что Шаур, Мелемина и Каляка всегда держались вместе, а их зверь одинаково ненавидел всех – колючий, казавшийся вычурно корявым, как старое дерево, слегка бешеного нрава и тем не менее мощный и неутомимый, как все драконы. Впрочем, надо отдать им должное, со своими обязанностями они справлялись лучше многих. Возможно именно поэтому наше начальство никогда не пытались разорвать этот союз, хотя слухи об их отношениях (девочка плюс мальчик плюс полукровка) ходили странные.

Мелкие служники с привычной сноровкой бросились врассыпную, когда светлоглазый взлетел и тут же вновь вернулись на свои места, готовясь к отправлению следующего. Гнездо весьма ответственно подходило к взятым на себя обязательствам. Рубеж охраняли круглосуточно.

– Джеанна... – послышалось от дверей, и Джеанна, слегка смущенно попросившись, поспешила на оклик. Я рассеянно понаблюдал, как она беседует со смуглым кудрявым крепышом, прибывшим к нам недавно по рекомендации одного из бывших обитателей Гнезда, поселившегося где-то на Взморье. Именем крепыш обладал совершенно непроизносимым, но по словам Джеанны, человеком был потрясающим. Как и все, кого эта девица достаивала своим знакомством.

И как это я сам попал в эту обойму? Чисто случайно или благодаря детской дружбе? Побездельничав еще немного, я отправился спать.

Люди и нелюди под сводом камней. Где-то в Городе...

– Эта мне ваша конспирация... – брюзгливо произнес Путник. – Стар я уже по лестницам шастать. Поясница ноет от сырых камней. Нельзя что ли найти местечко где-нибудь наверху?..

– Традиции, традиции... – благодушно отозвался Кольценосец.

– Была бы польза от ваших традиции. Закоснели в предрассудках. Бездумны, как звери – коли делали так мои предки, так и мне надлежит делать. А смысл-то? Будто тайна для кого, зачем под камни хоронились, и будто не знает кто, что пользы в этом никакой.

– Ну так теперь мы уже от других хоронимся, – засмеялся Буквояд. – Или они нас хоронят. Что вы, право, нынче такой сварливый? Кости к непогоде ломит, или случилось что?

– Случилось... – буркнул Путник. – В этом городе каждый день что-то случается. Начиная с безумца, что держит в страхе все население... А кстати, будет ли конец этим злодеяниям? Неужто и у вас нет на него управы?

– Это ваша забота, – отозвался Невидимка. – Вы и разбирайтесь.

– Но говорят, что...

– Я повторяю, это забота Города, – холодно повторил Невидимка.

– Так вас убийца беспокоит? – вмешался Буквояд.

– Меня беспокоит то, что ваши хваленые специалисты не способны решить простенькую задачку по поимке себе подобного не привлекая при этом сил извне!

– О! Этот сумасшедший не так уж нам подобен, Скорее, он подобен...

– Достаточно, – произнес устало Кольценосец. – Не время и не место для склок. Сегодня мы собрались по другому поводу. Он пришел?

– Да, уже дожидается.

– Пригласите... Добрый вечер, друг мой. Рады вас видеть в добром здравии...

– Еще сезон-другой такой жизни, и о добром здравии можно будет позабыть, – отозвался Маляр хмуро.

– И что это сегодня все на здоровье ссылаются? – хмыкнул Буквояд. – Или к лучшему, что у уважаемых коллег есть время думать об этом? Боюсь, когда все начнется, станет не до здоровья...

– Вам удалось сойтись с ним? – спросил Кольценосец.

– Да, – ответил Маляр.

– Его привели прямо к порогу, – сварливо вставил Невидимка. – Трудно было бы избежать встречи...

– Мы весьма ценим ваше сотрудничество, – спокойно кивнул Кольценосец, и снова обратился к Маляру: – И что вы думаете о нем?

– Что он именно тот, кого бы вам хотелось видеть. Честный, бесхитростный, целомудренный, бескорыстный. Талантливый. Типичный герой. И вполне подходящая жертва на заклатие.

– Не ерничайте, уважаемый. Не место и не время.

– Что еще нам остается, – произнес Буквояд. – И если отбросить эвфемизмы, разве не для этого в сущности он подобран в очередной раз? Сколько их уже было?..

– Ваша вина, что подбираете негодный материал, – угрюмо вставил Невидимка.

– Можно подумать, предложенный вами материал был наивысшего качества, – огрызнулся Путник.

– А что на этот раз с вашей стороны? – привычно прервал нарождающуюся склоку Кольценосец.

– То же, что и всегда. Безупречность, – ледяным тоном отозвался Невидимка. – Попытайтесь соответствовать.

– Позвольте мне... – вмешался Буквояд. – Я бы сказал, что на этот раз нам всем повезло, поскольку ничего подобного, столь же сильного и уверенного, я не видел давно... А уж поверьте моему опыту, доводилось встречать многих. Но что касается контроля...

– М-м? – брезгливое недоумение Невидимки заставило всех зябко повести плечами.

– ... простите, партнерства, – поправился Буквояд, – то с полной уверенностью я ничего не могу утверждать. На мой взгляд связка хорошая. Равноправная. Но я могу и ошибиться.

– А вы? – обратился Кольценосец к Маляру.

– Я еще недостаточно много о нем знаю. Будет наблюдать. Или на этот раз в плане есть изменения? Я был бы весьма рад им, поскольку моя легенда меня тяготит...

– Пока все оставляем, как задумано... Хотя... В городе зреет нечто странное. Возможно, нам придется пересмотреть ближайшие перспективы и поменять приоритеты.

– Прошлая попытка поменять приоритеты закончилась Войной, – сказал Невидимка.

– Значит, придется учесть прошлый опыт, – терпеливо ответил Кольценосец. – А сейчас послушаем подробности?... Прошу вас... – Он сделал приглашающий жест Маляру,

... Чуть позже, когда почти все присутствующие разошлись, помрачневший Кольценосец устало спросил:

– Они правы. Ты чувствуешь? Город, как гнойник. В нем вызревает что-то... страшное.

– Я чувствую это везде, – отозвался Невидимка. – Мир устал от всех нас. Нас слишком много для одной реальности. Но ты прав, в Городе зреет смерть. Та, что потом пойдет по всему миру. Так было и раньше... Точнее, почти так. Этот раз, скорее всего будет последним. Сущности истончились до предела.

– Даже если мы победим?

– А что для тебя и для меня победа?... При любом исходе все кончится. Если план, наконец, воплотится в жизнь – это конец привычному, а значит равносильно гибели. Если же ничего не получится... Смерть всему.

– Вам свобода?

– Вряд ли. Чужая кровь меняет пролившего ее безвозвратно... Тебе ли не знать.

Кольценосец вздрогнул, может быть впервые за весь вечер глянув на своего собеседника. В самом темном углу, в дорогом комфортном кресле разместились чудовищная фигура – обожженный, покрытый спекшейся, криво зарубцевавшейся, местами все еще черной от вьёвшейся навсегда гари, кожей человек, смахивающий на высохшую и обугленную мумию из склепа. Слепой, безволосый, с неподвижным лицом-маской, на которой лишь присмотревшись, можно было различить шевеление губ, цедящих ледяные фразы. Не человек. Невидимка. За спинкой кресла калеки, равнодушно таращась прямо перед собой, возвышался глухонемой верзила.

– Да, – тихо произнес Кольценосец, глядя прямо в слепые, проваленные глазницы калеки. – Я знаю.

Хроники охотника за драконом. Сейчас.

Вода в реке плескалась тягуче, медлительно, беззвучно, невесомо набегаая на стертые ступени набережной и так же легко соскальзывая с них, не оставляя следов. Словно пыталась притвориться разновидностью тумана, что стелился над ее поверхностью, полз рваной вуалью, хаотично наплывал плотными драпировками, скрывая все и вся вокруг.

В молочно-серых сумерках двигались размытые тени, перекликаясь неузнаваемыми голосами – гулками, безличными, обманными. Тени вели свой размеренный хоровод где-то вонне, другом мире, занимаясь каким-то своими важными, сумеречными делами.

В мире этом, разбавленном болезненной желтизной, источаемой качающимся над головой фонарем, мерз промокший от вездесущей мороси Астан Робьяр – насупленный, втянувший голову в поднятый воротник обвисшего от влаги пальто, уныло выдыхавший сквозь зубы сигаретный дым, такой же влажный и призрачный на вкус, как все вокруг, – и лежало возле его ног безразличное к влаге, туману и ленивой реке человеческое тело: длинный сиреневый мокрый плащ облепил неподвижную фигуру, позволяя различить очертания (женщина, скорее молодая), но не позволяя пока рассмотреть детали. Под телом разлилась глянцево поблескивающая темная лужа.

Чуть в стороне, почти за пределами желтого светового круга, но еще не канув полностью в серую зыбь тумана, сидел на ступеньках мрачный рыбак, которого угораздило вместо упитанной сероспинки, обожающей туманную погоду, подцепить на удочку труп, погодой не интересующийся вовсе.

Робьяр устало вздохнул. Вытянул из портсигара новую сигарету и закурил, надеясь перебить мерзостный привкус сигареты предыдущей. Напрасно старался. Привкус давали не сигареты, а нечто уже ставшее привычным за последние несколько месяцев. Хотелось бы назвать это привкусом уже знакомого следа... Но внутренний голос хмуро подсказывал – это вкус поражения. Чувствуешь?

– Мы специально ничего не трогали, – послышался из-за плеча вкрадчивый голос местного надзорного, вторгшегося в желтый подфонарный мир. – Только тело вынули из воды, оно прямо у берега зацепилось... Нам велено было ничего не увозить, пока вы не приедете я сами не посмотрите...

Робьяр кивнул, не оборачиваясь. Смысла особого стеречь место обнаружения трупа не было – течение могло принести его издалека. Но тот, кто «велел» местным стражам ничего не трогать до приезда Робьяра, знал, что у следователя свои методы, которые не имеют к общепринятым почти никакого отношения.

За это половина следственного департамента считала сыщика шарлатаном, а вторая половина звала «охотником». Точнее «охотником за драконами».

– Мне когда уйти-то можно будет? – угрюмо осведомился рыбак, словно пробудившийся от оцепенения. От рыбацкого балахона из просмоленной ткани мощно потянуло тиной, дегтем и домашним табаком.

– Вот сейчас в участке побеседуем, а там... – надзорный увел недовольного рыбака в молочную муть. Забытая корзина, наполненная все еще упруго вздрагивающей рыбой, осталась на ступеньках.

Робьяр с мимолетной завистью смотрел вслед ушедшим. Вздохнул в очередной и явно не последний раз.

Ладно, нечего откладывать... Все равно придется это делать. Хорошо, что туман – меньше отвлекать будут.

И, следовательно, аккуратно подобрав полы пальто, опустился на корточки; преодолевая отвлечение и жалость, отогнул краешек застывшего от холода капюшона... Да, все как все-

гда. Эксперты подтвердят, что молодая женщина лет двадцати-двадцати трех была задушена, обезображена до неузнаваемости режущим предметом, а затем сброшена в воду. Удавка из конского волоса осталась на шее. Скорее всего родственники убедятся, что ничего из вещей и украшений не пропало... Не изнасилована, не ограблена. Только задушена, а затем искромсана ножом.

Зачем он на нее смотрит? Телом пусть занимаются те, кому положено... Не там надо искать.

Робьяр тяжело поднялся на ноги. В висках стучала кровь то ли от неудобной позы, то ли от общей нервозности. А может оттого, что мерзостный призрачный привкус стал явственнее... Робьяр сделал несколько шагов к ступеням набережной, едва не оскальзываясь на мокрых камнях и вряд ли замечая, что делает. Как гончая, взявшая след, он целиком погрузился в запахи и ощущения, которые не под силу различить обычному человеку...

Нет, тело не принесло течением издалека. Оно попало в воду прямо здесь... Вот, след каблука того, кто тянул что-то тяжелое (едва различимые люди из яви спешно расступались, когда Робьяр слепо двинулся прямо на них)... Вот царапина с набойки... Здесь кустарник взлохмачен и мят... Дальше, дальше... Ветки секут по лицу, и *он пригибается, чтобы удобнее было тащить цепляющийся за все подряд неудобный сверток...* В ноздри бьет вонь отсыревшей, мерзлой коры и земли... Вот здесь – *острая боль от впившегося в щеку ногтя... Плоть чужой кожи – аромат лазоревика, легкий запах меда от волос...*

Голод! Тянувший, нечеловеческий голод! Рвет изнутри... Повелитель проснулся! Трепет предвкушения и мертвенный ужас в душе, но при этом невообразимый восторг! Ощущение нечеловеческой мощи, величия, бесконечности... Да! Ради этого, только ради этого стоит существовать! Пьяняще чувство всепокорности мира вокруг... Я МОГУ!..

Ему необходима пища. Он голоден... Такого голода не знает плоть. Такой голод не насытит плотью...

Робьяр судорожно щелкнул зубами, выдирая себя из липкого, обморочного кошмара. Темная, огромная тень, казалось, все еще довлеет – неотвратимо-беспощадная, как проклятье.

Но нет, это всего лишь колышутся деревья, да молча и встревожено смотрят стражники, держась в почтительном отдалении. А прямо возле его изгвазданных осенней грязью ботинок, втоптанной в глину, валяется плотный отсыревший комок мятой бумаги, странной формы. Сложной, будто бумагу несколько раз особым образом изгибали, только теперь уже не разобрать как именно. Робьяр поднял его, пытаясь развернуть. Никаких записей, просто чистая бумага... Раскисший клочок едва не оторвался, когда Робьяр пытался расправить плотный ком. Вряд ли он сложен так случайно. Какая-то фигурка из бумаги? Вот, кажется, крыло... Птица? Да нет, мерещится. Просто выпало у кого-то из кармана...

...В который раз поймав себя на том, что неуклонно поворачиваю в направлении «Мышеловки», при этом осознавая, что в такой час встретить там кого бы то ни было просто невыносимо, я решил потратить время хоть с какой-нибудь пользой. Все же лучше, чем нарезать круги вокруг заветной точки...

Сходить, например, в музей, благо, что как раз ноги вынесли к нему.

Крыльцо, ведущее в Музей, пологое, широкое, гостеприимное. Каждый камень покрыт темными прожилками вкраплений и вязью сложных резных узоров, кое-где стертой до основания. Если долго и внимательно присматриваться, то на каждой ступени можно прочесть отдельный эпизод из истории основания города. Самые древние и самые интересные – на нижних ступеньках, но там уже почти ничего не разобрать...

Сколько же в этом городе лестниц и сколько же ступеней мне пришлось пересчитать здесь за всю свою жизнь? – рассеянно подумал я, рассматривая почти неразличимую сцену знаменитой Дождевой Переправы на потрескавшихся камнях. Город исчерчен тысячами ступенек

– просторными и узкими, пологими и крутыми, каменными, земляными и деревянными, простыми и ажурными – всякими. Потому что весь город неровен, всхолмлен, изрезан оврагами и изрыт ямами, уступчив и многоярусен, как ступенчатая пирамида...

Года три назад мне довелось побывать на фестивале в междуречье. Так вот тамошний, тоже немалой величины город в долине, показался красивым и каким-то плоским, как гладкий рисунок на шелке, тогда как наш город смахивает на грубоватый, отчетливый барельеф на поверхности земли.

Историки объясняют это тем, что город нарастал сам на себя, погребая под каждым новым слоем предыдущие. И под ныне существующими улицами все еще, возможно сохранились даже первопоселения.

...Скрипнула дверь, выпуская некоего хмурого господина с потрепанной папкой под мышкой. Витражное стекло, вставленное в деревянную дверную раму, подмигнуло разноцветными бликами, отражая солнце. Господин нерадостно вздохнул, поправил папку и побрел вниз по улице. Надо полагать, из музейной тиши его как моль из платяного шкафа, выгнал переполох, созданный группкой дошколят, которых несколько минут назад зазвали в здание утомленные воспитательницы.

Ага, сегодня же городской Музейный день...

А давно я здесь не был, подумал я, перехватывая окованную медью дверь еще до того, как створка замкнулась, и вошел внутрь. Пахнуло камнем, деревом, холстом, кожей и красками. Тусклые, размазанные уличные звуки здесь обрели гулкость и насыщенность, отражаясь от высокого свода, украшенного мозаикой. Зато цвета стали приглушенными, растекаясь в стекле витрин и размываясь тенями.

– ...пришли недобрые косороги, косматые, тысячезубые, как гласит предание. Косороги напали на жителей поселка... – размеренно, но умело держа интонацией драматичность момента, рассказывал пожилой экскурсовод возле дальнего стенда. Собравшиеся вокруг него дошколята заморожено слушали, издав единый восторженный вздох, когда в диораме вспыхнул фонарь, обливая светом чучело оскаленного косорога. – Но смелый Виктай взял в руки свой знаменитый меч и вышел на защиту друзей...

Я едва не зажмурился, на мгновение ощутив себя лет на тринадцать младше, и явственно представив себе этот самый меч – широкий, с волнистым синеватым лезвием и светящимися зеленью камнями на рукояти... Меч произвел на нас столь неизгладимое впечатление, что потом вся наша сопливая группа, включая девочек, вырезала кривые мечи из дощечек и наносила увечья друг другу, изображая подвиг славного Виктая.

Он ведь там так и висит. Отливает синевой зеркальное лезвие... Ничего особенного с виду на замысленный взгляд взрослого. И одновременно нечто удивительное, неуловимо загадочное есть в этом старом мече. Слово отпечаток руки героя так и остался на нем навсегда, создавая осязаемую ауру.

Говорят, дракон Виктая был воплощен в этом мече...

Мальшня загомонил, перемещаясь к следующему стенду, где им в движущихся фигурах расскажут об истории создания главных городских Ворот. Или, может, про голосистый Колокол.

Я встретился взглядом с изображением белокурой женщины с гобелена напротив, Женщина смотрела внимательно и изучающе, полуобернувшись к зрителю. На гобелене было выткано множество других людей – судя по одежде, горожан, – но только женщина казалась живой и отчетливой, несмотря на ветхость ткани и потускневшие нити... Стояла среди безликой толпы, на краешке стилизованной городской площади и смотрела неотрывно, с любопытством и ожиданием. Единственная живая среди теней.

«Городской этюд. Первая половина периода Восходящих. Коллективная работа выпускников Станской художественной мастерской» – сообщала аккуратная табличка возле гобелена.

Если не ошибаюсь, Станскую Академию стерли благодарные граждане как раз где-то в этот период и сейчас на ее месте размещается городская караульная служба. А среди выпускников Академии значился знаменитый Ян Вострокрыл. Тот самый, что умел рисовать *живое*...

– А это кто? – спросил звонко голосок позади меня.

– Данек, вот ты где! – послышался в ответ встревоженный женский голос. – Ты что здесь делаешь? Почему ты не со всеми? Вечно тебя приходится разыскивать! Разве тебе неинтересно слушать, как рассказывают?

– Я хотел посмотреть, что здесь нарисовано...

– Потом посмотришь, пойдем! А то все пропустишь.

Я оглянулся, наблюдая за сценой короткой схватки – упрямый малыш упирался и не желал идти за сердитой воспитательницей, пока ему не расскажут, что нарисовано на загадочной картинке. Судя по привычности уловок той и другой противоборствующих сторон для сохранения исходных позиций – подобные сражения были дежурными.

– Ну, хорошо... – сдалась женщина. – Что ты тут хотел увидеть?

– Кто это? – с готовностью прекращая борьбу и мигом согнав с физиономии плаксивое выражение, осведомился пацан, указывая пальцем на темную от времени гравюру – некий здоровенный монстр, смахивающий на зубастую, длинношеею ящерицу с устрашающим гребнем вдоль спины, распластав перепончатые крылья, парил над какими-то смутно очерченными поселениями.

– Это дракон, – прочитала воспитательница надпись под гравюрой.

– Неправда, – искренне возмутился ребенок. – Дракон не такой.

– Тут сказано, что это дракон, – с некоторым сомнением повторила женщина. – Это очень-очень древнее изображение. Так люди из доисторической эпохи представляли себе драконов.

– А почему они их такими представляли? Они таких видели?

– Нет, конечно. Таких чудовищ не бывает. Он, наверное, придумали его... – неуверенно пояснила воспитательница.

– А почему придумали? Он такой страшный. Древние люди боялись драконов?

– Наверное. Не знаю.

– Они что, не могли рассмотреть настоящих драконов?

– Никто не может рассматривать настоящих драконов... То есть почти никто.

– Я видел, – вдруг возразил мальчик. – Дракон другой!

– Неправда, Данек. Ты не можешь знать, как выглядит дракон. Пойдем к остальным...

Последняя реплика женщины неожиданно разбудила во мне глухое, немотивированное пока раздражение. Раздражение поднималось вверх, будто муть со дна – невесомо, но мерзко и тянет гнильцой.

– Но я же видел! – настаивал мальчик, обиженно округляя глаза и всплескивая руками. – Видел! У меня есть дракон! Мой дракон совсем не такой, как здесь нарисован.

– Ты опять? Как тебе не стыдно! Нет у тебя никакого дракона!

– Есть! – упрямо повторил малыш, отступая на шаг в сторону от пытавшейся ухватить его за руку женщины. – Есть, есть, есть!.. Он красивый!

– Данек, прекрати! – рассердилась воспитательница. – Мы же договорились. Ты мне обещал, и маме своей обещал, и ребятам обещал, что больше не станешь говорить ничего подобного...

Ребенок насупился. В глазах блестели слезы и стало заметно, что пацан с явным усилием сдерживается, чтобы не разреветься. Его растерянный взгляд бежал вокруг, в поисках помощи, зацепился за меня...

– А что плохого в том, что ребенок видит драконов? – негромко спросил я.

– Что? – женщина развернулась, впервые замечая присутствие свидетелей и машинально пытаясь вернуть в прическу выбившуюся прядь.

– Вы что-то имеете против драконов? – продолжил я, ощущая, как нечто неприятное, разозленное ворочается внутри, отравляя каждое сказанное слово двусмысленностью.

Воспитательница непонимающе сморгнула, рассматривая меня. Круглое, еще молодое лицо на несколько мгновений стало глуповатым, пока она пыталась провести логические связи между поглотившей ее возней с ребенком и невесть откуда взявшейся антипатией к драконам... Попытка оказалась явно безрезультатной.

– Против драконов? – переспросила она в замешательстве. – Нет, нет...

– Тогда почему вы не позволяете мальчику рассказать о драконе? Тем более о своем драконе?

На ее скулах проступил нервный, пятнистый румянец. В первое мгновение я решил было, что женщину внезапно накрыло раскаянием, но потом понял, что она просто заметила значок на моей крутке. И снова ошибся, предположив, какая за этим последует реакция. Ни оживления, ни тревоги не появилось в ее глазах – женщина просто устало вздохнула, положив ладонь на плечо притихшего малыша.

– Понимаете... – негромко произнесла она. – Данек у нас особенный. Он все время рассказывает много всякого. О том, что его папа – Капитан-Лесоход. О том, что у них дома живет большая шакша. О том, что на выходных они ездили на мышиное пастбище... А вчера он рассказал ребятам, что у него есть настоящий конь, который пасется в его комнате. А позавчера, что у него есть собственный велосипед. И что мама ему купила верхохода...

– Купила, – серьезно подтвердил Данек, таращась на меня снизу вверх. – Только он убежал уже.

– Но он же сказал, что дракон выглядит не так, как на рисунке... – несколько озадаченно произнес я.

– Дань, – обратилась воспитательница к мальчику, – расскажешь, как выглядит верхоход, который от тебя убежал?

– Он такой большой и немножко зеленый, – авторитетно отозвался мальчик, для достоверности показывая руками, как велик был верхоход. – А еще у него длинные лапы, чтобы до верха доставать и на крыши забираться. А в темноте у него глаза горели, как... как солнце!.. Он капусту очень любил, – простодушно присовокупило дитя.

– Вы бы видели, какого красивого верхохода он нарисовал! – сообщила, улыбаясь, воспитательница и велела: – Беги к остальным!

На этот раз мальчик не возразил, помчавшись вприпрыжку к голосам в соседнем зале.

– Понимаете? – тихо спросила женщина, глядя ему вслед. – Ребятам про верхоходов рассказывали накануне на занятиях, но картинки не показали... Данек хороший мальчик, только постоянно сочиняет. Особенно с тех пор, как его отец ушел из семьи. Данек все время что-то придумывает... Он фантазер, но меры совсем не знает.

– Ну... Разве это плохо? – слегка смущенно сказал я.

– С ним никто не хочет дружить, – пояснила воспитательница грустно. – Раньше, когда дети были помладше, ему все верили и Данек был постоянно в центре внимания, а теперь они понимают, что он просто сочиняет... И с ним никто не играет, его дразнят все время... Дети иногда бывают очень жестоки. И взрослые тоже. Особенно к тем, кто обманул их ожидания.

Она взглянула мне прямо в глаза. И мне вдруг подумалось, что вовсе у нее не такое уж простоватое лицо, а совсем даже напротив – мягкое и миловидное, только слегка утомленное и обеспокоенное. И что она едва ли на год-два старше меня самого...

Извинительно улыбнувшись, женщина устремилась вслед за своим воспитанником.

Я задумчиво потоптался, бесцельно рассматривая стенды. Скопившееся в душе раздражение развеялось бесследно, И если кому и настала очередь испытывать неловкость – так это мне самому.

Верхоход – это такая горная тварь, величиной с лошадь, серо-черная, закованная в костяной панцирь... И дело ведь не в том, что малыш перепугал и сочинил – многие дети так делают. Да и не так уж важно, стоит ли за ним настоящий дракон, если честно... Но вот отчего я готов был разозлиться на случайного человека только зато, что мне померещилось в безобидных репликах?

Со стены напротив на меня хмуро косил зауженным глазом злополучный монстр с граюры. Действительно, странный зверь – тяжелый, плотный, наверняка неподъемный для таких крыльев. Кому пришло в голову назвать это чудище драконом?

...Выйдя из музея, я задержался на ступенях, щурясь от бьющего в глаза солнца, показавшегося нестерпимо ярким. Что-то шуршало равномерно, под аккомпанемент сердитого, негромкого бурчания; «...и кому надо было тут резать, узоры всякие выцарапывать, будто кто и глядеть их станет под ногами-то! А ты мети, да выскребай каждую щелочку, вычищай все эти загогулины... Нет бы, просто да гладко, как в приличных домах... Х-художники!»

Невольно хмыкнув, я стал спускаться, аккуратно обогнув недовольного дворника, сметающего нанесенный сегодняшними экскурсантами мусор со ступеней.

В сумрачных недрах «Мышеловки» ни одного знакомого, к счастью, не обнаружилось. Только лениво брэнчали для немногих присутствующих слушателей музыканты. Они узнали меня и приветственно замахали руками. Я вежливо поздоровался, но предпочел устроиться в самом дальнем и самом темной углу, где на меня не особенно обращали внимание, зато я мог видеть всех входящих в зал «Мышеловки». Думаю, нетрудно угадать зачем я вернулся сюда. Уж точно не раздавать автографы. Честно говоря, я почти не надеялся, что глазастая незнакомка снова появится, но ведь нужно же было попытаться?..

Зал постепенно наполнялся людьми, музыкой, дымом. Время шло. Секунды растягивались, как патока, но все же рвались и исчезали навсегда. Ночь брала город без боя. Дневные открытые лица неуловимо и решительно сменялись ночными смутными масками, смех – загадочными улыбками, пустая болтовня – многозначительными взвешенными репликами. Мир окутало сверкающее блестками звезд дымчатое покрывало.

Ждать дальше смысла не имело. Я разочарованно поднялся и стал пробираться к выходу. И небеса уступили: мелькнула у дверей стройная, хрупкая фигурка, оглянулась вокруг, выискивая кого-то, полыхнула сиреневыми глазами и столь же быстро исчезла в ночном мраке. Словно вампир.

Я ринулся вдогонку, но, естественно, уже никого не застал на входе. Только звезды глумливо ухмылялись с небес. Незнакомка снова испарилась бесследно, как это обычно случается с таинственными незнакомками.

Возвращаться в «Мышеловку» не хотелось, да и незачем было, поэтому я просто поплелся по улицам, инстинктивно пытаюсь вспомнить свой вчерашний маршрут. Было бы любопытно выяснить, каким ветром меня унесло к Упокоищу. Последнее, что я отчетливо помню о вчерашних событиях – это пылающий костер, в котором сторал деревянный дракон, завернутый в полетную куртку.

– Ой-ой! Опять, опять ты здесь, – прошипел голос, знакомый до отвращения и цепкая рука с привычной лов костьюхватила меня за рукав.

– Что тебе, Туча? – осведомился я, рассматривая возбужденного Тучакку и сопровождавшего его унылого типа, облаченного в черное. Тип нервозно озирался, а когда заметил мой взгляд, немедленно, по-волчьи оскалился.

– Гуляешь? – спросил Тучакка, как обычно не интересуясь ответом. – А не боишься, Птенец?

– Еще хоть раз назовешь меня Птенцом – я тебя убью, – сухо пообещал я, выдирая свой рукав.

– Как? – живо заинтересовался Тучакка. Его крохотные пороссячи глазки сверкали даже в темноте улиц. Я слегка растерялся от этого вопроса и пожал плечами:

– А как бы тебе хотелось?.. Скормлю своему дракону.

Немногочисленные на этой улице прохожие оглянулись, привлеченные громогласным и ликующим хохотом Тучакки. Его смурной дружок неуютно поежился, пряча голову а плечи. Ему явно нестерпимо хотелось слинять в ближайшую подворотню.

– Вот за что я люблю Птен... вас, – довольно ухмыляясь, наконец, сказал Тучакка, – так это за то, что вы всегда не в курсе свежих новостей... А вот не боюсь я твое чудище! – вдруг заявил он.

– В самом деле? – вяло отозвался я, чувствуя, как привлеченный разговором дракон пошевелился. Огни ближайших фонарей затрепетали разом, хотя в воздухе не ощущалось даже малейшего ветерка.

– Тихо! Тихо!.. – спешно проговорил Тучакка, невольно сникая и опасливо оглядываясь. – Я же не назвал тебя Птенцом!

– Ты назвал его чудищем, – пояснил я.

– Прошу прощения! — немедленно крикнул Тучакка, почему-то обращаясь к небесам, и добавил уже мне. – Я не хотел... – Он повертел головой, удостоверившись, что огни больше не вздрагивают. Его молчаливый друг как-то незаметно все же сгинул в подворотне и теперь обозначался лишь смутным силуэтом.

Дракон не давал о себе знать, но я все еще отчетливо ощущал его присутствие, поэтому решил не затягивать общение.

– Послушай, я спешу... – начал было я, но Тучакка взмахнул протестующе руками.

– погоди, погоди! Потом будешь спешить. По-твоему, для чего я затеял этот разговор?

– Ты известный прилипчивый псих, – пробормотал я. – Только не понимаю, почему именно я особенно часто становлюсь твоей жертвой?

– А-а! Не понимаешь? – как мне показалось, слегка обиженно отозвался он. – А потому, Птен... Кир, что ты однажды спас мне жизнь. Добрые дела вознаграждаются!

– Если бы я знал, что мой поступок будет вознагражден пожизненным общением с тобой, я бы, пожалуй, подумал еще разок, прежде, чем лезть в ледяную воду... – моя реплика прозвучала бесцеремонно, но мне надоело торчать посреди улицы в компании потрепанного, увешанного всевозможными коробочками, блокнотами, брелками сумасшедшего, больше напоминающего агрессивное пугало, чем человека.

– Прискорбно, прискорбно, – вздохнул Тучакка и поджал губы, состроив действительно удрученную гримасу, что было, впрочем, несложно при его вытянутой в вечной тоске физиономии. – Чему вас только учат в Гнезде? Так жестоко оскорбить человека, который всего-то и хотел предупредить своего спасителя о грозящей его молодой жизни опасности. Протянуть, так сказать, руку помощи, как он когда-то...

– Какой еще опасности?

– Я же говорил, что ничегошеньки вы не знаете! – фонтан искрометного энтузиазма моментально разнес вдребезги маску нарочитой грусти. – А то, что вчера до смерти избили одного из Птенцов, слышал? По глазам вижу, что не слышал... То-то же!

– Как избили? – поражение и недоверчиво переспросил я. – Что ты несешь? Этого быть не может!

– Что, ваше мудрые наставники не сочли нужным предупредить вас?

– Я не верю тебе, – ошеломленно выдохнул я, чем, похоже, всерьез задел его.

Тучакка надменно вздернул подбородок и холодно заявил:

– Да, согласен, временами, я, случалось, передегивал факты просто потому, что был не совсем в курсе событий, но я никогда не лгу!

– Значит, ты ошибаешься! То, о чем ты сообщил невозможно по трем причинам: первое – дракон Птенца не допустил бы подобного, второе – никто не осмелился бы напасть на Птенца, и третье – кому это вообще понадобилось?

– Веские доводы, – согласился Тучакка. – А ты обратил внимание, какую из причин ты поставил на первое место, а какую на последнее? Еще полгода назад они бы безусловно поменялись местами. Кажется, ныне тебя не удивляет сам факт нападения?

Когда Тучакка хотел, он мог говорить вполне вразумительно, не торопясь, не брызгая слюной и не хватая собеседника поминутно за рукав. Мало кто из знавших этого потрепанного типа, – помеси человека с сорокой, – ведал, что статьи, написанные его рукой без правки берут в любые городские газеты.

– Ну... – я не знал, что возразить и задумался.

– Вот-вот, Птенец, – кивнул серьезно Тучакка. – Поразмышляй на досуге. И не забывай смотреть по сторонам.

– Что произошло? На кого напали? Почему?

– Гнездо, как и следовало ожидать, немедленно забаррикадировало все входы и выходы, так что особенно много разузнать не удалось. Пострадал какой-то парень, постарше тебя. Говорят, что драку он затеял сам, и в общем вел себя не слишком хорошо... Разозлил всех. А людишки сейчас и без того вздрюченные этими слухами о темных драконах, следах на телах убитых...

– Каких следах?

– Да ерунда все. Пустили слух, что на телах остались следы гигантских зубов. Смутное время, сам понимаешь. Много ли человечкам надо?.. – Тучакка поскреб когтистым пальцем переносицу, – Так, слово за слово, разгорячились все... Короче, побили они его. Поначалу распалились так, что забыли о драконе. А потом, когда поняли, что дракона-то и нет – рассви-репели еще почище...

Я машинально покусал губы, размышляя. История казалась неправдоподобной. Драконы, которые вообще-то, как правило, недолюбливали своих всадников или, в лучшем случае, относились к ним нейтрально, всегда поднимались на защиту, когда понимали, что партнерам грозит опасность. Особенно если речь шла о смертельной угрозе. Каждый дракон знал, что не может существовать без человека. Гибель всадника влекла за собой обязательную гибель дракона. Слишком тесен этот союз.

– Не понимаю... – честно признался я наконец, и Тучакка удовлетворенно покивал.

– Во всяком случае, неудивительно, что Гнездо поспешило подобрать хвосты. Если слух разойдется...

– Это все равно ничего не изменит. Я не знаю, что случилось с драконом этого парня, но в своем я уверен...

– Теперь люди знают, что это возможно... А они очень напуганы. Ты живешь не в Городе, ты не знаешь, как переменился он. Что-то нехорошее зреет здесь. Говорят, что Тьма близко и драконы уже не справляются со своими обязанностями... Многие полагают также, что драконы сами служат Тьме, ибо слишком странные они...

– А еще говорят, что нет никакой Тьмы! – объявил вдруг скрипучим голосом незаметно подкравшийся спутник Тучакки, наконец осмелившийся оставить свою подворотню.

...Морозное злое оцепенение внезапно сковало мир вокруг. Исчезли люди, растаяли звуки, улегся ветер.

– Слышал? – беззвучно спросил я, остановившись на мосту и глядя, как неспешно движется вода вниз. Вопрос не требовал ответа и дракон, как обычно в подобных случаях, не отозвался.

– Что думаешь? Почему ты мне ничего не сообщил об этом? Вы, драконы, ведь всегда все знаете друг о друге?

«Зачем бы я стал сообщать тебе это?» – последовал равнодушный отклик.

– Ты знаешь, что произошло?

«Знаю»

– И что? – я с трудом удержался от крика.

Какое-то маленькое существо, похожее на выдру, чистившее блестящую мокрую шерсть неподалеку, покосилось подозрительно, поколебалось и прыгнуло в воду.

«Почему ты полагаешь, что получишь ответ?» – в тоне дракона отчетливо прозвучала насмешка. – «Он несет пустую информацию, не имеющую для тебя значения...»

Отчего я не могу задушить его?

«... ты просто хочешь знать, стану ли я защищать тебя в случае повторения недавнего инцидента...»

– Не припоминаю, чтобы я просил тебя о защите, – мрачно огрызнулся я.

Дракон засмеялся безмолвно, и старый мост заскрипел жалобно, поверхность спокойной реки покрылась язвами водоворотов, а окрестные деревья тревожно зашелестели. Запоздалые влюбленные, неприкаянно бродившие в кустах на левом берегу и явно пытавшиеся разыскать место посуше, испуганно встрепенились, тарашась на взволнованную воду, и притко сбежали, схватившись за руки. Всполошено вскрикнули сонные птицы.

Дракон снова не ответил на вопрос. Даже на свой собственный.

Я запрокинул голову к темным небесам, где тускло сияли далекие звезды, и где над самым горизонтом повисло остро сверкающее лютое Око Дракона, главная звезда созвездия Дракона, молчаливо и вечно наблюдающее за суетным копошением смертных.

...Морок развеялся. Город вновь наполнился жизнью. По мосту засновали гуляющие парочки и компании, норовящие зацепить любого одинокого путника и увлечь за собой. Ближился осенний праздник Множеств и кое-кто спешил отметить его наступление заранее.

Очередная шумная процессия, сопровождавшая ночную троллиную свадьбу, окончательно согнала меня с моста в нижний Город. Нижняя часть Города тоже располагалась на правом берегу Реки, но от центра ее отделяло русло притока. Здесь селились в основном небогатые горожане, приезжие, обладатели смешанной крови. Не то, чтобы эти районы считались трущобами, но ни один мало-мальски приличный обыватель не сунется сюда лишний раз, да еще с кошельком, набитым деньгами. Кроме человеческих жилищ здесь как нигде много настроили домиков, хижин, шалашей ближайше соседей – троллины, карлы, лесовики и тому подобный народец, по разным причинам, покинувшие родные селища и перебравшиеся в Город.

Час был не особенно поздний, и местное оживление еще не достигло даже точки кипения. В отличие от чопорного, ведущего достаточно размеренный образ жизни Верхнего Города, здесь самое веселье начиналось именно с наступлением темноты. Возможно потому, что значительная часть здешних обитателей являлись ночными созданиями.

С умеренным любопытством я понаблюдал за танцами кумарников, провожающих ушедшее лето и кличущих и без того уже неодолимо накатившую осень, потом двинулся к ближайшей переправе, собираясь вернуться домой, когда мелодия, показавшаяся смутно знакомой задержала меня возле одного из человеческих домов. Из распахнутого в ночь окна доносился тихий перелив свирели, напевающий песенку, сочиненную мною самим много лет назад. Вот не думал, что кто-то еще помнит ее...

Я невольно остановился, прислушиваясь, восстанавливая в памяти полустертый рисунок, замороженный негромким напевом инструмента. Невидимый музыкант играл не для зрителей, и оттого его свирель звучала мягко, спокойно, тепло... Так, как звучал мой сенсорин в одиночестве комнаты еще до того, как песенка вырвалась и унеслась к другим.

– Вам помочь? – осведомился женский голос, любезный, но слегка настороженный.

– Что?.. – Я очнулся не без усилий. – А, нет, спасибо...

Женщина, появившаяся на крыльце того самого дома, откуда доносилась музыка, смерила меня внимательным взглядом, покосилась на распахнутое окно, поджала губы и снова скрылась за дверью. Через полминуты свирель смолкла.

Я повернулся, все еще поглощенный воспоминаниями и не сразу понял, от чего никак не хочет оторваться мой рассеянный взгляд. Точнее, от кого именно... Возле одного из редких на этих улочках фонарей стояла знакомая незнакомка в светлом плаще и разговаривала с обнявшейся парой – юношей и девушкой. Не прошло и мгновения, как они распрощались, засмеявшись напоследок, и парочка двинулась вдоль по улице, а девушка свернула вправо. В очень темный переулок... В самом деле – куда ж еще стремиться одинокой девице?

Я сорвался с места и понесся, как лист, подхваченный ветром. Налетел на какого-то бродягу, прикорнувшего у стены дома, перепрыгнул через свернувшегося клубочком пса, едва не разнес вдребезги крохотный шалаш топтунов, которые вечно устраивают свои хлипкие жилища в самых неподходящих местах, и наконец вихрем вылетел в совершенно пустой переулок.

Нет, определенно, это не девушка, а привидение. Или галлюцинация. Куда она все время исчезает?

Я на всякий случай добрался до конца узкого и довольно грязного переулка, выглянул на соседнюю улицу, завернул в пустые ближайшие дворы. Никого, за исключением прыскающих, при моем появлении в разные стороны кошек. Впрочем, может быть, это были вовсе и не кошки...

Нет, постойте... Кажется, в дальнем конце двора светлый силуэт скрыла одна из дверей двухэтажного темного особняка. Ни одно из окон в доме не светило.

Куда ты?! – взвыл с отчаянием внутренний голос, когда я не раздумывая бросился в ту сторону. Но я привык не слушать внутренние голоса, ибо один из них всегда принадлежал дракону, а его временами мне слышать очень не хотелось.

Дверь тихонько скрипнула, открываясь.

Ничего особенного – грязный, захламленный, неосвещенный закуток. Лестницу на второй этаж я обнаружил только хорошенько стукнувшись коленом о перила. От боли из глаз посыпались искры, и надо полагать именно они позволили мне заметить другую дверь, из-под которой выбивалась едва различимая полоска света.

Пригнувшись и машинально поглаживал пострадавшее колено, я подошел поближе, вслушиваясь. Прошла целая терпеливая минута, прежде, чем я позволил себе поверить, что и в самом деле ничего не слышу. Однако эта минута стоила мне целого часа жизни, когда внезапно я ощутил, как нечто мягкое и пушистое погладило мою шею, а нечто маленькое и быстрое пробежало по рукаву, цепляясь коготками. Я сдержал судорожный вздох и шагнул поближе к двери, надеясь не сбить ничего из громоздившегося вокруг хлама.

Зачем тебе это нужно? – безнадежно стонал внутренний голос. – Куда тебя несет? Думаешь разумно вламываться в чужой дом и красться здесь, как ночной вор? А если тебя поймут?.. Птенец! – добавил он презрительно и я с трудом избавился от впечатления, что говорю не с собой, а с драконом. Только ему удавались такие исполненные отвращения реплики. Но к счастью дракон помалкивал.

Следующая дверь открылась от легкого толчка. За ней обнаружилась пустая, опять-таки заваленная старыми вещами комната с закрашенными стеклами в окнах, единственным при-

знаком жизни, в которой, была жалко тлеющая свеча. Свечу предусмотрительно поместили в чашку с водой. Ни людей, ни новых дверей здесь не было. Тот, кто зажег огонь вышел по своим делам, вероятно, тем же путем, что и вошел, значит искать здесь больше нечего.

По моим ногам стремительно шмыгнула крыса, забилась в щель между вещами на полу и неодобрительно уставилась на меня оттуда блестящими глазками. Взгляд ее показался мне нехорошо разумным. Но отступать только из-за неудовольствия крысы не хотелось. Поэтому я вошел и внимательно огляделся, надеясь обнаружить невесть что. Конечно, разумнее было бы совсем оставить эту затею или попытаться хотя бы заглянуть на второй этаж, но первый вариант мне не нравился в силу вполне понятных причин; а что касается второго этажа – что-то подсказывало мне, что ничего, кроме ненужного хлама, в этом заброшенном и нежилом доме я не найду. Единственный огонек горел здесь, следовательно, и смотреть следовало здесь...

Понадобилось не так уж много времени, чтобы обнаружить, что часть досок в полу приподнимается без особых усилий и под ними раскрывается черный зев провала. Оттуда несло запахом сырых камней и плесени, но лестница, начинавшаяся чуть пониже края люка, выглядела вполне крепкой и новой.

Внутренний голос смирился и не попытался даже протестовать, когда я поставил ногу на первую ступеньку.

Темнота, тишина и промозглый холод подвала окутали меня. Расставив руки, я коснулся противоположных, покрытых склизким налетом каменных стен. Единственный неширокий ход вел прямо, и с одной стороны это было хорошо – не нужно плутать бес толку, но с другой стороны спрятаться здесь было абсолютно негде.

От кого это ты собрался прятаться? – встрепенулось второе я нервно.

Забравшись так далеко поворачивать смысла не имело, поэтому я двинулся вперед, время от времени брезгливо касаясь руками стен, чтобы не терять ориентиры и запоздало жалея, что не прихватил с собой огня. Ход оказался длинным и вел под уклон. Он был, пожалуй, даже слишком длинным. Через некоторое время у меня создалось впечатление, что я не только покинул территорию дома, но и вышел на соседнюю улицу. Вокруг по-прежнему царил всепоглощающая тьма, однако вскоре мне стало казаться, что я вижу впереди смутные блики и отсветы и, вроде бы, слышу голоса. Нет, точно, это голоса! Распевают тягучую медленную песню с подвываниями. Как музыкант вынужден сообщить, что более немелодичного и неприятного на слух произведения я не слышал. Вдобавок обнаружилось еще одно нововведение – коридор начал ветвиться. Временами мои пальцы проваливались в пустоту. А когда свет стал более отчетливым, я убедился, что в каменных стенах появились проходы с обеих сторон. В одном из таких проходов спокойно сидела гигантская коричневая крыса, одарившая меня равнодушным взглядом.

Честно говоря, к этому моменту мне меньше всего хотелось отыскать свою незнакомку в таком отвратительном месте. Единственное, что все еще заставляло меня двигаться дальше – это разбуженное любопытство. О существующих под Городом, сохранившихся с давних времен, подземных ходах я слышал в детстве, и как все дети бесстрашно и безрезультатно пытался их посетить. Говорили, что в подземельях с древности хранятся всяческие чудесные вещи и можно обнаружить много странного. Пару раз мне даже доводилось спускаться под землю, но ничего особенно привлекательного я, как и многие другие, там не нашел. Может быть, искал не там? Повзрослев, я рассудил, что подземные ходы являются, скорее всего, обычными канализационными коммуникациями, как старого, так и современного города, а если что-то странное там и было, то его давным-давно растащил бы маленький народец, соседствующий с людьми.

Вынужден признать, похоже, я ошибался, Вряд ли этот длинный каменный ход проложил владелец двухэтажного дома, чтобы хранить зимой картошку и квашеную капусту.

Слитный хор, упоенно выводящий медленную песню, поделился на отдельные мужские и женские голоса. Не думаю, что хоть кого-то из певцов обладал достойными вокальными дан-

ными, а если и обладали, то они его умело маскировали. Хуже было то, что ни один из них не имел даже приличного слуха. Но пели они самозабвенно.

К запаху каменной сырости прибавился аромат дыма и еще чего-то, едва уловимого и скорее приятного. Стало заметно светлее. На склизких сизых стенах вокруг заплясали оранжевые, трепещущие отблески огней, плавающих впереди. Слева, на каменном выступе флегматично восседал крапчатый паук, величиной с блюдце. Честно говоря, мне даже померещилось, что он покачивается в такт мелодии.

Прижавшись спиной к противоположной стене, предварительно убедившись, что на ней нет насекомообразных ценителей скорбной музыки, я сделал еще несколько осторожных шагов, оставшихся до конца хода. Зыбкий, неяркий свет неравномерно расплескивался вокруг, вперемешку с тенями и это давало мне шанс хоть какое-то время оставаться незамеченным. Опасливо выглянув из-за угла, я испытал ни с чем не сравнимое ощущение вернувшегося сна.

Ход не заканчивался, а всего лишь прерывался. Он вливался в обширное помещение с закругленными углами, чтобы продолжиться на другой его стороне. Однако основное действие происходило, похоже, именно здесь. В центре каменного пузыря пылал небольшой костерок, вокруг которого разместились уже знакомые мне фигуры в звериных масках. Фигуры собрались в круг, ухватили друг друга за руки и неторопливо раскачивались, распевая нечто злое на незнакомом языке. Их темные бесформенные балахоны-плащи лениво колыхались, скрадывая очертания силуэтов. А в прорезях масок остро сверкали глаза. Длинные угольно-черные тени стлались по поверхности вогнутых стен и нависали над людьми, рождая странный эффект двойственности происходящего. Молчаливые бесплотные тени выглядели более жутко, чем их поющие обладатели.

Песня закончилась. Люди разорвали круг, опустили руки, и зашевелились, как мне показалось облегченно. Их было меньше, чем мне померещилось сначала – около двадцати человек. Черные тени удваивали количество. Приземистый некто в маске рыси палкой пошевелил огонь, заставляя его полыхнуть поярче и выбросить вверх сноп искр. Протесты остальных присутствующих, немедленно закашлявших, он отмел повелительным взмахом руки. «Рысь» повел вокруг внимательным взглядом, и мне даже показалось, что он заметил меня, но опасения оказались напрасны. Закончив смотреть и вынудив некоторых из своей паствы виновато потупиться (надо полагать за пение без должного воодушевления), «Рысь» заговорил величаво и громогласно:

– Вы знаете, о, братья и сестры мои, что привело нас сюда!

– Знаем! – слегка вразной подхватил хор, шевельнувшись.

– Пришло время! – объявил «Рысь».

– Пришло! – не стали возражать слушатели.

– Время страшное, время смутное, время свершений! – завопил на одной ноте пронзительный женский голос, заставивший вздрогнуть не меня одного.

– Верно, сестра моя, – согласился «Рысь», кивнув фигуре в маске неопределенной птицы. – Время свершений! Старые дни поклонения и подчинения уходят! Те, кто владели нашими душами, покинули праведный путь! Мы не верим им!..

– Не верим! – взвыл хор дружно.

– Что ждет лжецов?

– Смерть! ! ! – присутствующие заметно оживились.

Один из «братьев и сестер» в маске енота бросился к стене, где лежал плотно спеленатый длинный тюк, подтащил его к костру, развернул... У меня на несколько мгновений оборвалось сердце, когда я различил человеческие ноги, руки в перчатках и знакомую куртку со значком. Но потом над воротником куртки показалась тряпичная голова с наскоро намалеванным лицом и волосами из пакли. К одной из рук чучела был привязан картонный драконник.

«Енот» горделиво продемонстрировал его зрителям, беззастенчиво выдавая авторство сего уникального произведения. Присутствующие одобрительно заворчали. Стоявшие рядом похлопали «енота» по плечам. «Рысь» удовлетворенно кивнул, едва не уронив свою маску.

– Это он! – молвил негромко, но торжественно «Рысь». – Я узнаю лик врага...

«Ух, ты» – подумал я, невольно прижимаясь поближе к стене.

Между тем другая маска – лисицы – вытянула откуда-то из-под своей хламиды длинную, заостренную на одном конце палку, украшенную грубой, но выразительной резьбой, которая недвусмысленно давала понять тем, кто не уловил сходства сразу, что именно обозначает этот жезл. Палка угрожающе вознеслась над распростертым на полу пугалом.

– Они символизируют чистоту?! – спросил «Рысь».

– Ложь! – рявкнул хор.

«Лисица» с размаху вонзила кол в живот куклы. Я инстинктивно сморщился.

– Они символизируют самоотверженность?! –

– Ложь!

Из распоротого живота куклы поползли клочья соломы.

– Они символизируют защиту? – не унимался заводила.

– Ло-ожь! – истерически закричали слушатели, и добавили уже от себя: – Смерть лжецам! ! !

– Да вспыхнет священный свет, означающий гибель проклятья рода человеческого!..

У меня зазвенело в ушах, и я не сразу сообразил, что они собираются делать дальше. А когда понял – спешно попятился, предчувствуя дальнейшее. Соломенную куклу подхватили в несколько рук и швырнули в костер. Ленивое пламя удивилось, опасливо облизнуло подарок и вдруг полыхнуло ярко и весело. Тряпки и солома занялись моментально. Однако если для маленького костерка здесь места было предостаточно, и воздух успевал вентилироваться, то большой огонь немедленно заволок весь каменный пузырь едким дымом. Некоторые люди, отчаянно кашляя, стали сдирать с себя маски, тереть руками слезящиеся глаза, задирали балахоны, прикрывая рты. И я зачарованно замер, вглядываясь в их покрасневшие физиономии. Среди чужих лиц я с изумлением заметил несколько знакомых – приземистый толстяк в маске рыси был лавочником Баско с Приречной улице Верхнего Города, вон тот чернявый тип под маской жука привозил зелень к нам в Гнездо, а женщина под маской лисицы, только теперь выронившая из рук свой кол, чтобы закрыть лицо ладонями, была лучшей в Городе швеей, по словам Джеанны, которую я как-то сопровождал к ее дому...

Обычно солома горит быстро и бездымно, но то ли ее, то ли тряпки пропитали какой-то дрянью, так что через несколько мгновений помещение наполнилось ядовито воняющим дымом и люди, забыв обо всем, ринулись к выходу. Я стремительно прыгнул в сторону, свернув в ближайший боковой коридор, и тут же налетел на нечто мягкое, большое и теплое. Нечто толкнуло меня к стене, зажало своей ладонью мой рот и прошипело неожиданно знакомым голосом:

– Тихо, Птенец! Не трепыхайся...

Отсвет бушевавшего за углом огня все же позволял рассмотреть кое-что, и я потрясенно вытаращился, узнавая Вевура. Он тоже заметил это и подмигнул, усмехнувшись.

– Какая встреча... Ты определенно сумасшедший, Птенец! Что ты здесь делаешь?

Я мотнул головой, освобождаясь, но промолчал, дожидаясь, пока последние певчие звериного хора, задыхаясь и кашляя, пронеслись мимо. Дым стелился за ними тяжелым шлейфом, цепляясь за полы балахонов и словно умоляя задержаться и закончить спектакль. В наш коридор дым почти не проникал, и дышать здесь можно было относительно спокойно.

– Ты, я так заметил, всегда выбираешь странные места для ночных прогулок? – любопытствовал Вевур, изучая меня пристальным взглядом. – Вчера кладбище, сегодня... Как ты сюда попал?

– А как вы сюда попали? – осведомился я, сдерживая кашель.

– Пришел вот по этому самому коридорчику, – пояснил вполне дружелюбно Вевур, кивая в направлении основного хода. – Вошел в дом, открыл люк и спустился по лестнице...

– Вот и я так же... – проворчал я.

– Смелый Птенец! Просто до безрассудства... – задумчиво сообщил отсутствующим слушателям Вевур. – И зачем же тебя понесло в это пекло?

– А вас?

– Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

– Только когда не вижу оснований давать ответ.

– Гм, – Вевур помахал ладонью перед лицом, разгоняя дым. – Разумно, хотя и не вежливо... – Он выглянул в центральный ход, огляделся и, не спеша, направился к месту последних событий.

Я машинально двинулся за ним, просто потому, что дыма там теперь было меньше, чем везде. Костер еще пылал, но уже чистым и ровным огнем. От соломенного чучела остались лишь лохмотья, почерневшая, хотя почти целая куртка и клочок драконьего крыла. Чуть в стороне валялся деревянный кол, брошенный швеей, и Вевур первым делом поднял именно его. Смахнул пепел, погладил, любуясь.

– Надо же, – хмыкнул он наконец. – И впрямь он. А я-то сомневался... Не-ет, это работа на века...

– Что именно? – переспросил я, разглядывая потемневшую деревяшку.

– А вот это, – Вевур с гордостью протянул мне кол на ладонях. – Вот ради этой безделушки я и потащился на это гнусное сборище идиотов и полтора часа терпел самодеятельный спектакль...

– Полтора часа?

– Ты явился только к финалу. Тебе повезло больше. Или меньше. Лично я не могу понять зачем ты вообще сюда сунулся. Убить они, конечно, тебя бы не посмели, но... Бедняги могли здорово перепугаться, узнав, что у их игрищ есть свидетель, а напуганные люди способны на непредсказуемые поступки... – Вевур принялся аккуратно разбрасывать костер, выдернул куртку, встряхнул ее, продемонстрировал мне и вздохнул: – Видишь?

– А кто они? – поинтересовался я.

– Они считают себя потомками и наследниками некоего Круга Зверей... Но на самом деле они всего лишь мелкий сброд, неучи и недотепы. Лавочники, ростовщики, купчихи... Сами боятся того, что творят,

– Что за Круг Зверей?

– Стыдитесь, молодой человек, – Вевур укоризненно посмотрел на меня. – Вам нельзя не знать такие очевидные вещи. Ибо именно Круг Зверей в свое время был идейным вдохновителем Великого Похода против Драконов. Под его руководством и было истреблено поголовье ваших могучих партнеров...

– Это вы про Великую войну?

– Ну да, про очередную великую войну, – сделав загадочный упор на втором эпитете, подтвердил он. Задумчиво взвесил кол на ладони и закончил: – Хотя эта война, безусловно, была великой. После нее Круг Зверей распался. Позднее его уцелевших членов добила благодарные потомки в смутный период... С тех пор сохранились лишь некоторые вещи, такие, как например, этот жезл, невесть как попавший в руки местным болванам...

– Отчего же они болваны? Мне понравился спектакль. Забавный.

– Для талантливого музыканта у тебя очень непритязательный вкус, – проворчал Вевур. – Это убогое зрелище не имеет ничего общего с настоящим действием Круга. В нем состояли умные, серьезные люди. Система охраны у них была просто восхитительной. Тебе бы никогда не удалось бы подкрасться к ним незамеченным, а если бы удалось, то это была бы последняя

глупость, сотворенная тобой в жизни... Те ребята не шутили. Они воевали с драконами, и, заметь, весьма успешно.

– Откуда вы это знаете?

– Из книг, разумеется. После победы Круг Зверей пользовался большой популярностью и каждый писака считал своим долгом осветить модную тему. Загляни в библиотеку...

– Зачем вам этот кол?

– Это не кол, невежда, – возмутился Вевур. – Это Жезл, выполненный между прочим рукой самого Сандрера Резчика, по древним канонам. Символ плодородия, жизни и... м-м, чего-то еще, – Он повертел жезл в руках. – Я собираю подобные безделушки... Как-нибудь заходи. Покажу тебе мою коллекцию. Профессия кладбищенского смотрителя и старьевщика по совместительству иногда подкидывает мне любопытные предметы.

– А как вы узнали, что отыщете кол... то есть жезл именно здесь? Вы ведь не случайно сюда заглянули?

– Мне подсказал один давний приятель. Член этого псевдокруга, Обмолвился недавно, что видел кое у кого кое-что... Конспиратор, – улыбнулся Вевур. – Вычислить было несложно. Я, собственно, зашел просто взглянуть, но раз уж так получилось... – Он сунул деревяшку под свои лохмотья и спросил дружелюбно.

– Ну, а тебя чем заманили в это логово?

– Искал одного человека, – ответил я неохотно. – Мне показалось, она... он сюда завернул.

– Она, – задумчиво повторил Вевур с непонятной интонацией. – Эта твоя «она» завлекает тебя в странные места, ты не находишь?.. Ну-ну, не сверкай глазами. Это я так, к слову... – Он рассеянно огляделся, вздохнул и сказал: – Пойду, пожалуй. Больше здесь ничего интересного не обнаружится. Да и как бы лавочники не вернулись за имуществом...

Вевур повернулся к выходу, а я почти невольно потянулся к черной арке, ведущей в противоположную сторону. Темнота за ней казалась плотной и подвижной, как вода, поглощавшей даже свет огня.

– Не лез бы ты туда, парень, – негромко сказал мне в спину Вевур, и голос его прозвучал неожиданно тревожно. – Свою порцию приключения на сегодня ты уже получил.

– Что там?

– Кто ж его знает. Только полный безумец полезет в эти катакомбы. Эти подземелья старше Города. Естественно никаких толковых планов и описаний не сохранилось. Там плуτούν даже пещерники с их врожденным инстинктом. Хочешь неприятностей на свою задницу – вперед! Могу показать еще десятка два подобных входов...

– Отлично, – кивнул я. – Если вам это не оставит труда...

Вевур усмехнулся и ушел. Я пошевелил ногой догорающий костер. Под углями обнаружилось еще один уцелевший кусок драконьего крыла... Кстати, о драконах. Что-то давненько я не слышал...

«Я здесь», – дымный воздух колыхнулся, – «Жду, когда ты закончишь терять время попусту»

– Почему попусту? – Я невольно засмеялся. – Очень познавательно. Узнал столько нового... А ты слышал о Круге Зверей?

Честно говоря, я не ожидал ответа, но получил его.

«Слышал», – признался дракон. – «Все драконы, даже рожденные после Смутных Эпох слышали о Круге. Это обязательное знание»

– Почему?

«Потому что Круг не уничтожен окончательно и способен к возрождению. Он опасен»

– По-твоему все эти лавочники и... – Я не успел договорить.

Тяжкий вздох исполина загасил оставшиеся огни и в темноте прозвучало презрительное:

«Не старайся быть глупее, чем ты есть, человек»

Пробираться к выходу пришлось в полном мраке. Свеча в верхней комнате догорела до утонувшего в плоске огрызка. Я на ощупь отыскал дверь, вторично стукнулся пострадавшим коленом о перила и наконец выбрался на улицу, с наслаждением вдыхая прохладный ветер. Безмолвное здание равнодушно таранилось в ночь темными окнами.

Привратник у входа в Гнездо укоризненно вздохнул при моем появлении, но без комментариев распахнул сворки дверей и позволил пройти. Как всегда я подавил нестерпимое желание виновато оправдаться – рудимент ушедшего детства, и помчался по центральной лестнице. Серьезные лица великих, чьи портреты в парадных рамах украшали стены, провожали меня задумчивыми взглядами. Каменные барельефы, изображавшие в основном драконов, демонстративно отворачивались.

– Кир!.. – кто-то окликнул меня так негромко и бесплотно, что я немедленно остановился и огляделся, надеясь, что это привидение.

С наступлением ночи большую часть светильников гасили, оставляя только светлячков под портретами, поэтому я не сразу заметил тоненькую фигурку, выступившую из боковой ниши. Фигурка поманила меня и пришлось пойти следом, хотя мне ужасно хотелось спать.

Вслед за белокожей, хрупкой, как цветок и нестерпимо рыжей девушкой, имя которой вечно вылетало из моей памяти, я протиснулся через полуоткрытую створку окна наружу. Туда, где узкий каменный выступ кольцом охватывал здание, служа нам своеобразным, хотя и несколько рискованным убежищем от наблюдательных глаз старших.

Впрочем, всем давно было ясно, что тайное убежище ни для кого в Гнезде не является тайной. Это детишки могут тешить себя иллюзиями, не замечая, что под их секретным карнизом, как правило, кружат раздраженные драконы, страхуя неосторожных. Повзрослев, мы понимали это, но к тому времени уже получали бессрочный пропуск в Город и необходимость в тайных убежищах исчезала. Кроме того, мы обзаводились собственным личным и чрезвычайно строгим стражем.

Но традиции сохранялись.

– А-а! – обрадовано сказал кто-то из темноты. – Вот и они...

– Я же говорила, что Таянна точно сумеет не заснуть, дожидаясь его, – донесся громкий, демонстративный шепот.

Нежная кожа Таянны, освещенная падающим из окна светом, стала такой же темной, как ее рыжие волосы. Я сделал вид, что ничего не заметил.

Было довольно темно, но на фоне серебристой стены Гнезда можно было без труда различить привычную с детства компанию, разместившуюся рядом на узком карнизе, как птицы на ветке. Одиннадцать человек моего курса плюс Таянна, которая на год младше. Даже Аяр пришел.

– Иди к нам, Кир, – позвал голос Джеанны, и я стал пробираться к ней, переступая через чужие колени и каждый раз замирая ненадолго, чтобы переждать шальной ветер.

– Где это тебя носило? – лениво осведомилась Джеанна, когда я устроился рядом. – Мало тебе неприятностей?

– Одной больше, одной меньше, – отозвался я,

Сидевший слева Чаро молча сунул мне кружку, до краев наполненную его фирменным напитком, хлебнув который вы либо рискуете тут же на месте умереть от разрыва сердца, либо до конца жизни клянуть у Чаро рецепт, завещанный ему предками.

– Гм, – я сунул нос в кружку, убедился, что это именно то, о чем я подумал и озадачено спросил:

– По какому случаю торжество?

– Тинар умер вечером, – ответил кто-то невидимый и неузнаваемым голосом.

– Говорят, что его избили в Городе, – подхватил немедленно вмешался Шаур, который, естественно, не мог допустить, чтобы сенсацией делился кто-то другой.

– Так это был Тинар... – медленно выдохнул я, переваривая новость.

Несмотря на обычную достоверность сведений Тучакки, я, пожалуй, так до конца и не поверил, что рассказанная им история – правда. Но теперь, когда у мифической жертвы появилось реальное имя, отрицать свершившийся факт было бессмысленно.

– Ты слышал что-то? – спросила Джеанна, и я почувствовал, как остальные потянулись к нам, рискуя сверзиться с карниза. Не видя их, я ощущал в темноте взгляды – внимательные, недоверчивые, ожидающие и... да, растерянные.

– Так, краем уха... – неопределенно отозвался я и передал рассказ Тучакки.

Мгновение после этого царило всеобщее молчание. Каждый переваривал услышанное и готовился объявить, как я недавно: «этого не может быть!». Но первой заговорила рассудительная Имеритта, разом сбросив ненужные реплики.

– Что могло случиться с его драконом? – она смотрела на меня, но вопрос был обращен ко всем.

– Насколько мне известно, – неторопливо отозвался Нихор и я прямо-таки видел, как он привычно потирает лоб над сросшимися бровями, будто сгоняет растрепанные мысли в одно целое. – Тинар вполне ладил со своим драконом...

– Все мы вполне ладим... – отозвался хмуро Вейто. – До поры, до времени.

Джеанна, прищурившись, неприязненно покосилась на него.

– А вот то, что он сам затеял драку – вполне возможно, – Нихора было не так-то легко сбить с толку и если уж он начал говорить, то высказывал все, что хотел, чтобы вновь умолкнуть надолго.

– Драки – драками, – возразила Аллиа. – И раньше случалось, что наши дрались с горожанами, но до смертоубийства не доходило.

– Потому что не хотели связываться с драконами... – подсказал кто-то.

– Правильно, хотя и не только поэтому. В конце концов не всякая драка заканчивается смертью, а я слышала, что Тинара избили просто зверски, несмотря на присутствие дракона...

– Или вопреки его присутствию, – негромко вставила Джеанна.

– Тинар, конечно, вечно нарывался на склоки, – снова заговорил на редкость словоохотливый в этот вечер Нихор. – Но убивать его было в общем-то незачем. Следующим утром он обычно уже братался с теми, с кем дрался ночью...

– Может быть кто-то специально разозлил горожан? – предположила Джеанна.

– Зачем?

– Чтобы натравить горожан на Птенцов и доказать, что драконы тоже не всеильны, – осененный внезапной догадкой сказал я.

– Зачем? – на этот раз вопрос задал один только Аяр, и вместо меня ответила Аллиа:

– Ты, Аярчик, когда в последний раз был в Городе?

– Ну... – Аяр подумал немного и сказал с сомнением: – Давно.

– А друзья там у тебя есть?

– Ну...

– Ты, Аяр, летаешь слишком высоко над облаками. И так увлечен своим драконом, что забываешь смотреть вокруг.

– Допустим, – спокойно кивнул Аяр. – Тогда, может быть, тебя не затруднит пояснить мне то, что вам кажется очевидным?

– Город изменился, – словно сам себе сказал Вейто. – Люди стали другими. Они опасаются нас. И возможно, не зря.

– Что ты этим хочешь сказать? – резко осведомилась Джеанна.

– Только то, что мы сами не всегда знаем, какой силой владеем,

– Говори за себя! – сердито бросила девушка. Похоже, любая реплика Вейто вызывала у нее раздражение. Даже вполне справедливая.

– Честно говоря, мне показалось, что горожане просто встревожены теми убийствами...
– вставил мирную реплику Аяр прежде, чем смутно забрезжившая ссора разгорелась.

– Город большой. Там каждый день кого-то убивают...

– Я слышал кое-что. Многие полагают, что странные трупы – плод ночных прогулок некоего Темного дракона.

– Да с чего они вообще решили связать этих несчастных с драконами?

– Смотрите!.. – вдруг вскрикнула молчаливая Таянна, вскакивая. Нихор, сидевший рядом, поспешно ухватил ее, страхуя.

Девушка указывала на Город, отсюда, с высоты похожий на темное море, полное золотых рыбок-огоньков. Рыбки непрерывно двигались, меняясь местами и исчезая. Зрелище было красивое, но привычное. И лишь приглядевшись, мы заметили то, на что указывала Таянна. Мерцающее море огней словно накрыла темная дымчатая тень, имеющая смутные, но различные очертания.

– Так это правда... – потрясение выдохнул кто-то. Город обнимала тень гигантского темного дракона.

Монстр. Где-то в Городе...

Он всегда был таким, как все. Неотличимым от других настолько, что никто и никогда не запоминал его имени и внешности с первого раза, никто не выделял его среди других, никто не замечал его до тех пор, пока не возникала необходимость обнаружить его присутствие. Далее для вечно замотанных родителей он был просто одним из нескольких детей—недостаточно плохой, чтобы сердиться, недостаточно хороший, чтобы гордиться,

А он? А он всегда знал, что он другой. Не такой, как все, кто не замечает его.

И когда нечто, смутно дремавшее в его сознании, наконец, расправило крылья—он осознал свою уникальность.

Впервые это случилось давно, еще в юности.

Весенний день заканчивался, он только что распрощайся с девочкой, милостиво согласившейся позволить ему проводить себя до дома. Девочка была мила, в меру вздорна и весьма самолюбива, как все хорошенькие барышни. Ее рыжеватые мелкие кудряшки задорно шевелил ветер. На пухлой, беловато-розовой, как зефир шее переливались дешевенькие, но озорно подмигивающие желтые камеишки, нанизанные на нитку. В отороченном лентой разрезе вышитой юбки то и дело заворачивающе мелькали округлые, молочного оттенка, гладкие колени.

В паре с ним она оказалась случайно, потому что рассорилась со своим ухажером. Но Он еще питал какие-то иллюзии до порога ее дома. Ровно до тех пор, пока барышня, в ответ на его предложения встретится снова, не посмотрела на него так... Не то, чтобы сердито или обиженно, скорее с недоумением. Как будто вообще только сейчас обнаружила его наличие.

Острая, безысходная обида, как заноза, засаженная чужим рассеянным взглядом в его душу, разбудила что-то. Что-то шевельнулось там, глубоко. Болезненное и при этом невообразимо волшебное, вливающее в него силы, наполняющее его скучную жизнь неожиданным светом и красками...

Он вдруг, четко осознал, что именно может сделать, чтобы вынуть из сердца занозу. Чтобы разом разрешить все терзающие его сомнения. Чтобы отсутствующее выражение исчезло из глаз надменной девчонки. Хотя в какой-то момент он понял, что и девчонка-то его уже не слишком волнует. Его завлекло то, что жило в нем самом. Что позволяло остро и внимательно смотреть на мир вокруг. Что позволяло вдыхать воздух полной грудью, различая оттенки запахов и чувств – страх, желание, боль, гнев... Он, как хищник, как умелый, великолепный хищник, выслеживал свою добычу, чтобы в нужный момент нанести удар и уйти безнаказанным триумфатором...

Он выследил ее. Он уволок ее буквально из-под носа зазевавшегося ухажера и далее успел полюбоваться на его озадаченно-обиженную физиономию бедняга полагал, что кокетливая барышня просто бросила его. Он успел вдоволь насмотреться в полные ужаса и изумления глаза своей жертвы, которая беззвучно билась буквально в нескольких шагах от возможного спасения. И понимала, что ей не уйти...

Хотя нет. Тогда он все-таки был недостаточно опытен, спешил и нервничал, поэтому бедняжка почти ничего не успела осознать, и толком насладиться происходящим ему не удалось. Впрочем, экстаз был, вне всякого сомнения. Но лишь позже Он понял, что этот экстаз, сродни длительному оргазму, приходил не в кульминационный момент гибели жертвы, а в процессе осуществления задуманного. Пока он был охотником. Пока он искал, планировал, выжидал, выставлял свои силки, обдумывал каждый следующий шаг...

А жертва? Опустошенная жертва вызвала у него омерзение и желание отомстить за то, что все уже кончилось. Что уже нельзя повторить заново. Пустая оболочка, фантик от конфеты, лишившийся сладкого содержимого, да еще и вызывающий смутное чувство вины. Он уничтожил то, что отработало свое. Что не может вернуть пьянящее чувство полета.

Потому что Нечто в его душе, Повелитель, всесокрушающее божество внезапно исчезало, оставляя его наедине с только что содеянным. С его страхом. С его истинной сущностью трусливого существа, которое без присутствия Повелителя никогда бы не осмелилось ни на что подобное. И которое алчно жаждало вновь пережить всемогущество.

Он помнил в какой ужас пришел, обнаружив возле себя бездыханное тело своей первой жертвы. Страх, вперемешку с отвращением выворачивал его наизнанку. Он сдирал с себя одежду, казалось, пропитанную смертью. Он бежал, как можно дальше... Тогда он уехал из своего родного городка, лелея в душе странную смесь ужаса и желания. Желания повторить. Снова ощутить в себе нечто, разворачивающее всеильные крыла...

Четвертый день Листохода.

Утро я провел в библиотеке, пытаюсь раздобыть любую информацию о Круге Зверей. То есть это уже потом я стал искать любую, а первоначально я пожелал получить вполне конкретную и наткнулся на совершенно неожиданное препятствие. Никаких особенно интересных упоминаний о Круге в основном фонде нашей обширной библиотеки не нашлось. И когда очередной библиотекарь, вернулся ни с чем, виновато разводя мохнатыми лапками, я серьезно задумался. Не может быть, чтобы в нашей библиотеке не содержалось сведений о таком заметном явлении. Во всяком случае сведений не только справочного характера... Помнится, Вевур говорил что-то о модной теме, которую освещал каждый уважающий себя «писака»... И где все? Уж чем-чем, а либерализмом мышления и букинистической жадностью Гнездо славилось издавна. Значит, книги должны быть. Так кому понадобилось прятать сведения о Круге Зверей?

Или не такое уж значимое было это явление?

Впрочем, кое-что я все-таки получил. Десяток учебников и исторических сборников, где Круг упоминался несколькими короткими нейтральными строками. Да, – утверждали учебники, – была такая подпольная организация. Ее члены носили маски зверей и птиц, чтобы скрыть свои лица, отсюда и название. Политикой Круга было поголовное и одновременное истребление драконов, ибо по их мнению они несли в мир смуту и зло. В организации состояли люди из разных слоев населения. В разное время ее членами числились и некоторые известные исторические личности, такие как Миран Лесовинный, Каэр Умач, Рарисса Шаоко и многие другие. Состоял в Круге Зверей и печально известный Гарим Мертвоголовый, но покинул его, не сойдясь с остальными членами общества в вопросах тактики. Умело проводимая управлением Круга политика и агитация привлекли на его сторону большое количество простых людей. Во время Великой войны Круг Зверей перешел на легальное положение. Под его руководством была осуществлена крупномасштабная операция по уничтожению драконов, имевшая прискорбные последствия. В годы депрессии и упадка, наступившие после Войны, Круг распался, хотя в последующие периоды его пытались возродить и во время, скажем, Двойной войны некоторые объединения провозглашали себя наследниками Круга Зверей, но по значимости воздействия на население они не шли ни в какое сравнение с изначальной организацией.

Прекрасно! Вот теперь мне все ясно и понятно...

Я с треском захлопнул книгу, подняв тучу пыли и заставив задремавшего на стопке бумаг дежурного библиотекаря, подскочить всполошено. Дымчатая шерстка его вздыбилась, а подслеповатые лимонные глазки расширились до размеров блюда. Я извинительно поклонился, а потом побрел вдоль стеллажей, надеясь самостоятельно отыскать что-нибудь. Вдруг библиотекари не совсем поняли задание?

Несколько книжников увязались за мной, переваливаясь на коротеньких лапках, как щенки, но потом отстали, устроились кружком и принялись меланхолично чиркать.

На видном месте, как всегда, маячило несколько экземпляров «Книги Смут», чтение обязательное и способствующее расслаблению. Видимо потому, что стиль изложения такой... Патетически-убаюкивающий: «... И был изгнан человек со своим потомством из края блаженства. Изгнан в мир ему чуждый и страшный. И настали для людей времена смутные и злые. Мир вокруг был жесток и беспощаден. И стали люди горевать о своих бедах и молить о защитнике. И так горячо было их желание, что загорелись в их сердцах огни и родились из того пламени защитники, И стали они мудры и всесильны. И поклялись беречь людей ежечасно. Спасло людей рождение дракона. Но когда-нибудь настанет час исхода и тогда дракон пожертвует собой во имя спасения людей...».

– Пожертвуешь?

Презрительное молчание стало мне ответом... Ну и ладно.

Здоровенный плоский том едва не свалился на голову, когда я попытался вернуть только что взятую книгу («Население лесов Приозерья – выдуманное, и как оно есть на самом деле») обратно на полку. Том гулко ухнул о пол. Взметнулась пыль. Заверещали библиотекари, возмущенные таким варварством. Я поспешно поднял тяжеленную книгу, виновато расшаркиваясь.

«Большая книга Городов» – самоуверенно сообщала стертая надпись на обложке огромного тома, годившегося на роль семейной обеденной столешницы в каком-нибудь поселке карлов. Заинтересовавшись, я полистал плотные, желтоватые страницы, разыскивая знакомые места. Развернул вложенную карту... Ото! Вот это был город когда-то! Нет, я, конечно, знаю, что наш город за рекой был велик, но не настолько же... И куда все делось? Ушло под землю.

На развернутой карте были в четыре цвета обозначены разновременные границы города. Самая старая граница очерчивала примерную территорию с центром где-то в районе... Упокоища. А уже вторая граница сместилась правее, захватив и другой берег реки. А две последние окончательно перебрались за реку, заметно сократив аппетиты по захвату территорий. Это ж надо насколько город съехал от своего исходного центра.

Любопытно... Хотя чему удивляться – предки наши были ребята толковые и ухватистые.

Из книги выскользнул исписанный от руки листок и лениво спланировал куда-то под стеллаж. Беззвучно ругнувшись, я полез за ним.

Письмо какое-то... От кого-то к кому-то. Довольно старое.

«... Дорогой друг, спешу сообщить, что Ваши предположение о датировке найденных поселении скорее всего окажутся совершенно точными.

Как я Вам рассказывал в предыдущем письме, недавно приступивший к работе юноша, переведенный к нам из Заречья, делает поразительные успехи, и я думаю в будущем году рекомендовать его в аспирантуру в Звеницар (Не сочтите за труд, любезный друг, оказать протекцию сему талантливому молодому человеку). Так вот этот юноша придумал изумительный способ уточненной датировки предметов (О нем я Вам расскажу в отдельном письме. Или далее попытаюсь убедить автора метода написать толковую статью в Вестник). И согласно этому методу мы выяснили, что все нами открытые поселения гораздо, – гораздо! – моложе, чем мы решили сначала, отталкиваясь от их внешнего облика. То есть, как Вы и рискнули предположить, их возраст насчитывает едва ли века, а не тысячелетия, как думают традиционно. И таким образом, посмею высказать крамольную мысль, что цикл развития всей истории человечества гораздо короче и больше напоминает туго свернутую пружину с мелкими витками...

Страшно подумать, с какой бешеной скоростью должен идти прогресс, глядя на эти глинобитные хижинки и на нынешние города. Всем давно известно, что история человечества идут циклично, от темных веков к векам просвещенным. Но почему? Ведь, наблюдая за животными, мы не видим в их эволюции такого темпа. Это присуще только разумным существам? Но отчего тогда наш цикл развития все время прерывается и отчего мы скатываемся каждый раз в темные века? Вы же помните находки Габерга? Наш юный гений выяснил, что эти циклопические сооружения, вершина инженерной мысли по возрасту гораздо старше недавно найденных нами поселков. Что же стряслось с древними инженерами, до высот мысли которых даже сейчас мы не способны добраться? Войны? Людей с людьми? Людей с драконами?.. Да, я слышал многих, кто склонен обвинять драконов в том, что те, де, не позволяют людям прыгнуть высоко. Как слышал и других, кто утверждает, что только благодаря драконам люди способны

стремительно выбираться из мрака смутного времени... Не знаю, не знаю... Известно одно – «муравейники Габерга» были разрушены людьми. Это не вызывает никаких сомнений. И Храм Мерцающих разнесла толпа. И Библиотеку Первограда сожгли местные жители...

Мы тут на днях в соседнее село наведались, так там местные жители на камни разобрали остатки древнего Верхнего города, чтобы укрепить внешнюю стену вокруг поселка. Их понять можно, из леса то и дело выходят леишки, стену разрушают, а каменоломен поблизости нет. И вот под непонимающими взглядами аборигенов мы весь день пытались срисовать мозаику с тех фрагментов, что уцелели... Смешно и тщетно...

Бумага похрустывала от старости и строчки почти выцвели. Это ж сколько лет письмо так и лежит тут, забытое кем-то? Поколебавшись, я вернул листок обратно в «Большую книгу...».

Так, а это что такое расписное? «Наставление радивым родителям» – гласило затейливо выведенное наименование.

«...всячески ограждайте ваше чадо от дел бесполезных и суетных, как-то любые занятия не имеющие отношения к повседневным заботам. Ибо даже простое созерцание глади озера способно поселить в детский ум отрешенность и зыбкость.

Потрудитесь придумывать вашему чаду множество дел с самых малых лет, ибо тогда в голове его не останется места для праздного. Внимательно следите за тем, куда смотрит и что слушает ваше чадо, ибо и через глаза его в душу способны влиться ядовитые потоки. Не позволяйте вашему чаду пустопорожних бесед. Но пусть он не молчит, ибо молчание порождает в итоге смуту, как а тихой запруде рождаются омуты. Рекомендуем научить его напевать привычные песни или повторять праведные строки...

Избавьтесь от книг в вашем доме, поскольку в них главный источник заразы. Прикоснувшийся к книге по доброй воле – погибнет.

... Если же вас постигло несчастье и ваше любимое чадо оказалось отравленным поганой кровью, не отчаивайтесь. Еще есть надежда вернуть его в лоно семьи. Тяжелый физический труд, не оставляющий времени и сил размышлять о непотребном. Еженощный и ежедневный любящий контроль за жизнью вашего чада. Множество простых и незатейливых, но отнимающих внимание занятия...

... возможны и более щадящие способы излечения. Там где не помогла строгость, поможет мягкость и попустительство. Приятные молодому телу занятия надолго отвлекут ваше чадо от отравы. Охота, обильная пища, сладострастные забавы и прочая способны вытравить всосавшийся яд из души вашего наследника...»

Я не сдержался и захохотал, представляя, как заботливые родители оттаскивают любимого дитя от книг и волокут его в вертеп. А что? Могло и сработать... Во всяком случае действеннее, чем повторение «праведных строк».

Библиотекари рассерженно зафырчали.

Рассеянно рассматривая корешки книг, я сам не заметил, как приблизился к противоположному концу библиотечного зала, примыкающего к комнате наставников. Дверь здесь всегда была закрыта, и я вспомнил о ней лишь потому, что услышал доносившиеся из логова наставников голоса.

– ... это просто неразумно, – сердито проговорил голос наставника Анвера. – Мы не имеем права уподобляться невеждам. В конце концов это нелепо!

- ... отказываются... – отозвался чей-то едва различимый голос.
- Мы обязаны защищать Рубеж вне зависимости от отношений с Городом ли, деревнями, или друг с другом. Вы понимаете это?
- ... – невнятная реплика в ответ.
- ... это детский лепет! Ах, вы так, тогда я вам вот этак!..
- ... вы вспомнили о детях, – голос второго собеседника приблизился ненадолго, и я узнал наставника Бахтара. – У нас здесь полторы сотни детей, часть из которых дошкольного возраста. Может быть следует... – Бахтар снова отдалился и конец фразы растаял.
- ... безумие! – выдохнул Анвер. – Разве Город вам уже угрожает? Может быть вы хотите начать срочную эвакуацию?
- ... – снова слов не разобрать.
- ... бред чистой воды! наших детей защищает сила, равной которой нет в мире. А кто защитит детей в Городе?..
- Что вы так всполошились? – вступил третий голос. – Ничего катастрофического пока не произошло...
- ... – неясно, но тоном ниже.
- Согласен. Инцидент с мальчиком прискорбный и необъяснимый. Город и в самом деле несколько взбудоражен. Следует соблюдать осторожность. Но не паниковать, а принимать адекватные меры...
- ... не можем отменить Праздник только по этим причинам. И уж тем более не можем отменить дежурства. Если Город полагает, что мы виновны, нам следует объясняться, а не затевать войну. Мы обязаны хранить мир и разум. Разве не в этом суть существования нашего заведения?..
- ... – негодование и истерический напор в ответ.
- Я вас прошу! Ну что вы несете? О каких невинных душах вы говорите? У нас не монастырь... нормальные разумные мальчики и девочки, которые ежедневно бывают в Городе и не только там. Которых берегут их драконы. Вы планируете посадить их под замок? А у них вы спросили?..
- Нет, это вы ошибаетесь! Мы обязаны спрашивать их мнение, потому что...
- Я повернул голову и встретился с укоризненным взглядом семи пушистых библиотечек, устроившихся на одной из полок. Маленькие книжники не одобряли подслушивание. Делать вид, что я задержался здесь случайно было глупо, поэтому я поспешил ретироваться.
- Любопытно... Оказывается, преподавательский состав встревожен больше, чем мы сами. Хотя, что тут удивительного?

На выходе меня перехватила Джеанна.

– Собираешься прогуляться?

– Да, тут недалеко...

– Возьми меня с собой, – попросила она, глядя в сторону.

Сегодня не было и следа обычной неукротимости Джеанны. Смирная, серьезная девушка, с опущенным взором. Послушница, да и только... Надо полагать, произошло что-то из ряда вон выходящее. Но от вопросов я воздержался. Если Джеанна захочет поделиться своими проблемами – она расскажет сама.

– А меня не прихватите? – спросил столь же мрачный Вейто, появляясь словно из ниоткуда. – Тоскливо здесь сегодня... И пойти мне некуда.

– Что так? – удивился я, пытаясь вспомнить, а были ли у Вейто друзья в Гнезде или за его пределами, но так и не вспомнил.

Честно говоря, тащить с собой целую непредусмотренную компанию мне не хотелось. Однако с другой стороны и отказывать им повода не было. Я с надеждой посмотрел на хмурю

Джеанну, но она, как ни странно, лишь безразлично повела плечом. Кто бы мог подумать? Поэтому я кивнул:

– Поехали, если хочется. Приключений не обещаю...

Необходимость запастись в конюшне Гнезда лошадьми на несколько минут вернула оживление на лица моих спутников. «Не далеко, говоришь?..» – пробормотала Джеанна, выбирая серую кобылу, свою любимицу, обладавшую несносным характером. Собственно именно поэтому Джеанна всегда могла рассчитывать на нее, ибо никто больше не смел оседлать серую. Вейто грустно оглядел лошадиный ряд и в его голубых глазах отчетливо проступило малодушное желание воздержаться от прогулки, но он мужественно одолел его и двинулся к самому спокойному жеребцу, баловню местной малышни.

– Видишь? – шепнула мне Джеанна, кивнув на Вейто. – А ты еще спрашивал, какие у него проблемы с драконом...

Я с любопытством понаблюдал, как Вейто управляется с конем. Смирный скакун немедленно встрепенулся, нехорошо оживился, замотал головой и загарцевал на месте, словно горячий чистокровка. Вейто пытался с ним сладить без особого успеха, что было по меньшей мере странно.

Мне подумалось, что я не так много знаю об этом парне...

Он прибыл к нам в Гнездо в начале прошлой весны и как-то не особо себя проявил. Я даже толком не знал, чем он занимается. Но за время, проведенное бок о бок волей-неволей кое-что успеваешь узнать. И можно было с почти полной уверенностью утверждать, что трусом Вейто не был. Однажды он на спор спустился по сплетенной из простыней лестнице с одного внешнего карниза до другого, а расстояние между ними – четыре этажа плюс еще девятнадцать до земли в случае неуспеха безумной затеи. И дежурить нам приходилось не раз вместе. За Рубежом я его не видел, но во всяком случае в пределах этой реальности он вполне успешно управлялся со своим драконом. Мне и в голову не приходило, что у него есть какие-то трудности!..

– А ты знаешь, – неожиданно произнесла Джеанна, наблюдавшая за мучениями коня и нерасторопного всадника, пытавшихся синхронизировать свои действия, – что первой жертвой этого городского душителя стала подружка Вейто?

– Что? – изумился я. – В первый раз слышу!

– Ну да, такой скандал не для широкой публики... Она была студенткой. И между прочим, в ее убийстве подозревали поначалу его. Они, вроде поссорились накануне. Или были вместе в день убийства... Не помню точно.

– Да ну, бред. Ты посмотри на него. Можешь представить себе Вейто во гневе душащего свою девушку? – невольно засмеялся я.

– Не могу, – серьезно отозвалась Джеанна. – Вот это и настораживает...

– Погоди, чего это ты? Во-первых, раз его не задержали тогда, значит, сочли невиновным. Во-вторых, душителя же арестовали... – Я вспомнил разговор с Тучаккой и осекся. И добавил с досадой: – И вообще, не знаю, что у тебя за претензии к этому бедняге?

– Никакой он не бедняга. А лицемер!

– И поэтому ты согласилась взять его в нашу компанию?

– Может, удастся узнать его поближе? – неопределенно повела плечами Джеанна. – Так мы едем или нет? – И она ударила кобылу пятками в бока, устремляясь вперед.

Полный недоумения, я направил своего коня вслед. Вейто затрусил за нами. Упорный он все-таки.

Нет, что бы там не утверждали невежды, полет верхом на драконе не имеет ничего общего с верховой ездой. Каждое из этих искусств имеет свою специфику, и если ты хороший драконий всадник, то это еще не значит, что ты хороший наездник... Это я так, к слову. Вспоминаю об этом каждый раз, когда сажусь в обычное седло.

– Куда это ты нас тащишь? – слегка удивилась Джеанна, когда мы миновали поворот к Городу.

– Тебе там понравится, – пообещал я. – У тебя как раз подходящее настроение...

Джеанна подозрительно посмотрела на меня, состроила гримаску и вновь принялась сумрачно изучать землю под копытами своей лошади. Вейто не спросил ничего, слишком поглощенный необходимостью соблюдать равновесие Вид у него был несчастный. Но, во всяком случае, скучать ему не приходилось.

Дорога, которую я выбрал, тянулась вдоль Реки, послушно подчиняясь извивам и изгибам русла. Даже отсюда было видно, что почти весь правый берег застроен домами, домишками, хижинами, складами и пристанями. Наш берег, левый, традиционно оставался пустынным. Здесь высилась только одинокая башня Гнезда, да немногочисленные хозяйственные пристройки около нее. Все остальное пространство – слегка всхолмленную равнину – до самого горизонта занимали только рощи, овраги, крохотные озера и многочисленные проплешины мертвой земли. Со стороны эти проплешины казались ничем неотличимыми от соседних участков, разве что цвет немного другой, да более жесткая и кустистая трава обметана неприятным бурым налетом. Но стоило слегка копнуть землю там – и под тонким слоем почвы обнаруживалось огромное количество металлических обломков, человеческих и нечеловеческих костей, странных предметов, о назначении которых никто не хотел и гадать...

– Ты не мог сразу сказать, что направляешься на кладбище? – задумчиво осведомилась Джеанна, при виде полуразрушенной ограды Упокоища.

– А ты не спрашивала, – хмыкнул я. – Разве тебе не нравится? Чудесный уголок...

– Что ты потерял здесь? Или как Шаро ищешь могилы предков?

– Какой еще Шаро?

– Да есть такой... Блондин и зануда. Пытается отыскать следы своих родичей... – Джеанна поморщилась. О своих родственниках она вспоминать не любила.

– Просто хочу пообщаться с одним знакомым, – пояснил я. – И добыть кое-какую информацию.

– Пообщаться? – Джеанна с сомнением оглядела меня. – И лопату не захватил?

Я подарил ей свою коронную улыбку и направил коня в пролом кладбищенской ограды. И окунулся в царство покоя.

Кладбище встретило гостей негромкой птичьей перекличкой и безлюдьем. Меланхолично шелестели деревья. Ветер рассеянно теребил их пожелтевшие прядки. Молчаливо и равнодушно высились останки Святилища, темные и неровно обкусанные, как разрушенный зуб. Сейчас оттуда не доносилось ни звука. Даже наши кони притихли и спокойно шли на поводу, осторожно ступая между близко лежащими плитами.

Я мгновение поколебался, выбирая направление. Воспоминания о моем последнем посещении Упокоища слегка плавали, растворенные тяжким похмельем позапрошлого утра. Однако обнаружить памятную плиту Пемло Качальника оказалось не так уж и сложно, а уж к склепу ноги сами вынесли.

– Погоди-ка, – Джеанна, прищурив один глаз, огляделась. – Кажется, я здесь была прошлой весной. Одна моя знакомая затащила меня сюда познакомить с великим Ранвевуром, который, по ее словам, поселился здесь... Естественно, никого мы здесь не застали.

– Ранвевур? – переспросил я. – А кто это?

– Темнота! – констатировала снисходительно Джеанна. – Это был лучший художник современности... В семь лет он создал панно, которое теперь украшает парадный зал центральной Галереи... Он написал картину, которую даже ты наверняка видел – «Песнь Весны».

«Песнь Весны» я действительно видел, но в данный момент меня беспокоило другое.

– А почему ты говоришь о нем в прошедшем времени? – спросил я. – Он умер?

– Многие считают именно так, – Джеанна пожала плечами. – Однажды он исчез и больше его никто не видел. Говорили, что он не смог оправиться от смерти своей жены, которая умерла совсем молодой, через два года после свадьбы...

– Как интересно, – медленно проговорил я, – В этом симпатичном склепе тоже живет бывший художник. Только зовут его просто Вевур.

– И впрямь интересно, – согласилась Джеанна, изучая домик. – И ты знаком с ним?

– Не просто знаком, – вмешался знакомый голос. – Этот парень прямо-таки преследует меня. Ты не влюбился часом, Птенец?

Вевур стоял неподалеку под деревом, нагруженный вязанкой сучьев и довольно ухмылялся. Колючка у его ног лениво зевал. Вейто, задержавшийся у одной из могильных плит, теперь неслышно подходил к художнику сзади и мимикой спрашивал у нас не требуется ли поддержка. Джеанна впервые в жизни выглядела откровенно ошеломленной.

Я сузил глаза.

– Не сердись, Птах, – Вевур ссыпал на землю охапку хвороста и добавил дружелюбно. – Рад видеть, что вчерашняя авантюра закончилась для тебя благополучно. Что привело тебя и твоих друзей в мою скромную лачугу?

– Вы предложили продемонстрировать свою богатую коллекцию, – сумрачно отозвался я. – Вот я и привел ценителей.

– Попроси, пожалуйста, своего третьего ценителя не подкрадываться из-за спины. Колючка не любит резких движений, – мирно сказал Вевур, – Прошу вас, дорогие гости, проходите...

– Это не может быть он! – отчаянно прошептала Джеанна, глядя вслед художнику, нырявшему в дверь склепа. – Это несправедливо!

Я только пожал плечами, не зная, как ответить на ее несколько загадочную реплику и двинулся за хозяином. Честно говоря, я уже начал жалеть, что приехал сюда. Пожалуй, мысль была не так хороша, как мне казалось. И уж мне точно не следовало тащить с собой других.

Впрочем, вскоре выяснилось, что не все так безнадежно. Джеанна и Вейто зачарованно бродили по жилищу Вевура, изучая сокровища, выставленные во второй комнате. Той, куда мне не удалось заглянуть во время предыдущего визита. Впрочем, если Вейто благоговейно созерцал предметы, умело отреставрированные и выставленные со знанием дела, то Джеанна рассматривала, в основном, небрежно развешанные по стенам рисунки и наброски, только изредка отрываясь от них, чтобы искоса взглянуть на хозяина дома. От ее недавней меланхолии не осталось и следа. Зеленые глаза мерцали.

Вевур не вмешивался в экскурсии. Устроился в углу со стаканом и молчал. Колючка клубком свернулся у его ног и, похоже, крепко заснул. На его шкурку налипли сухие, разноцветные листья, отчего он выглядел таким же залатанным, как костюм его хозяина.

– Вы не опасаетесь держать это все здесь? – наконец спросил Вейто, оборачиваясь. – Я вижу, у вас здесь есть даже работы Луко Кустаря?

– Неплохо, юноша, – Вевур заинтересованно взглянул на Вейто. – Не всякий способен отличить работу Кустаря.

– По этой причине его почти и не подделывают, – отозвался охотно Вейто. – Я читал кое-что...

– Большая редкость в наше время, – пробормотал Вевур, улыбаясь. – Если вам интересно, я могу показать еще некоторые вещи, которые я даже не стал выставлять здесь, поскольку все равно никто не оценит их уникальности...

Теперь засветилась пара голубых глаз. Экий зажигающий эффект производит этот небритый тип. Ну не смотритель на кладбище, а фонарщик на вечерней улице!

– А что касается охраны... – Вевур задумчиво покачал стакан. – Кому придет в голову тащиться на старое кладбище и рыскать по забытым склепам?

- Кладбищенским вора́м, например, – подсказала Джеанна.
- Воры смертельно боятся Упокоища, и не без оснований надо заметить.
- Тут правда водятся призраки?

– Косяками снуют, – без тени иронии в голосе отозвался Вевур. – Это же старинное уважаемое кладбище. Тут каждая вторая могила заговорена. К тому же весь город считает, что тут проживают призраки. Как же им не завестись? Вреда случайным прохожим особого они не чинят, но могут и покалечить маленько, если могилы разорять... Впрочем, на всякий случай, для самых настырных у меня предусмотрена система защиты... – Он обвел свое жилище неопределенным жестом и закончил: – Хотя она, собственно, исключительно для подстраховки. Мои коллекции здесь, как правило, не задерживаются. Соберу нужное количество безделушек и переправляю их в Город, в галереи...

– Так это не ваша коллекция? – спросил слегка разочарованно Вейто.

– Моя, – ответил Вевур. – Просто не люблю, когда все это пылится в чулане. Пусть даже в моем. Такие вещи должны видеть люди...

– А для кого вот эта выставка?

– Для вас... – Вевур усмехнулся.

Поскольку я не принимал участия в разговоре, ибо относился к тем смертным, которые представления не имеют о работах Луко Кустаря, мне оставалось только делать умное лицо и сосредоточено разглядывать экспозицию. Вскоре я заметил старого знакомца – Жезл. Вевур перехватил мой взгляд и спросил негромко:

– Ты ведь из-за этого пришел? Хочешь знать?

Я не стал отрицать.

– Зачем? – не отставал Вевур.

– Врожденная любознательность.

– И что бы тебе хотелось откусить в первую очередь?

– Кусок от каравая именуемогося Кругом Зве... – Помятая физиономия художника так перекосилась, что я осекся, зачарованно уставившись на него.

– Пойдем-ка прогуляемся, – пробормотал он, справляясь со своей мимикой. – Пусть твои приятели пока раз влекут себя сами...

Он вышел за дверь. Джеанна и Вейто удивленно обернулись, когда я двинулся следом, но не сделали попытки пойти следом. На вопросительный взгляд Джеанны я отрицательно качнул головой.

Вевур не захватил с собой стакана, поэтому после долгого рытья в карманах на свет была извлечена потрескавшаяся трубка из темного дерева и разожжена в результате цепочки изрядных ухищрений. В небеса поплыли белесые облачка дыма, распространяющего странноватый запах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.